

Алексей Бобл

ПАДЕНИЕ НЕБЕС

Серия «Технотьма» – 6

ebooks@prospekt.org

Автор выражает признательность Виктору Ночкину за уже ставшие традиционными стишки Тима Белоруса и отдельно — за предложенные сюжетные идеи. Если бы я не потратил столько времени на обдумывание его советов, эта книга вышла бы намного раньше.

Глава 1.

Охота на Катрана и ловля на живца

— Скучно живем! — объявил Тим Белорус. Он развалился на переднем сиденье, положив ноги в грязных сапогах на приборную доску. Под каблуками тускло мерцал круглый экран локации.

— Лучше вокруг поглядывай, а то и прозеваешь веселье, — пробурчал Туран.

Он вел «Панч», и ему скучно не было. Приходилось напряженно следить за дорогой, объезжая рытвины, и особо не разгоняться, чтобы идущие следом груженные самоходы не отстали. «Панч» катил в голове каравана добытчиков известняка. Это был скучный рейс — вряд ли грабители польстятся на артельский груз, их больше привлекали торговцы или фермеры, тем не менее следовало поглядывать по сторонам и на локацию. Электроникой заведовал всезнайка Белорус, Туран не возражал против

такого распределения обязанностей в их компании. Они уже третий сезон нанимались охранять караваны или работали у богатых фермеров, выбивая с их территории мелкие банды да группы кетчеров. Дело вначале быстро набрало обороты, предприимчивый Белорус умел договориться о выгодной оплате. Вскоре на вырученные деньги в «Панче» заменили двигатель, кабину перекрасили в темно-зеленый цвет и вставили в дверцы бронированные стекла. На оставшуюся монету купили новую резину с крупным протектором и запаслись продуктами.

— Да я поглядываю, — весело ответил Белорус, сцепив пальцы на затылке. — На локациях-то пусто! Стало быть, ничего серьезного в округе нет. Ну а ежели какая мелочь, мы ее так, с ходу разгоним...

— Я не хочу никого разгонять с ходу, — Туран покосился на напарника, который шевелил зажатой в зубах спичкой. — Лучше быть готовым.

Тим, сдвинув большие солнцезащитные очки на лоб, молча глянул на экран и снова откинул голову назад.

В глубине души Туран вполне понимал напарника и разделял его раздражение. Третий сезон — а ничего особенного, если сравнить доходы сейчас и когда начался их маленький

бизнес. Полтора десятка стычек с бандитами и племенами кочевых мутантов, два уничтоженных отряда кетчеров — и долгие, долгие поездки с караванами, вроде нынешней. Тоска! Имея «Панч», можно сделать куда больше. Хорошо, Туран предусмотрительно не дал Белорусу купить систему автоподкачки в шины, а то бы остались без еды к наступлению сезона большого солнца.

«Панч» перевалил пологий холм, впереди показалась возвышенность, где стояли ветряки, окруженные приземистыми строениями, — конец пути.

Здесь караван разгрузится, артельщики закупают припасы. И обратно не двинутся, пока не пропьют остатки денег, вырученных продажей известняка и шкурок ползунов. Неделю, не меньше, в поселке прогудят.

— Ну вот и приехали, — сказал Тим, убирая ноги с приборной доски и потягиваясь. — Никто, будем говорить, не покусился. Потому что знают нас, потому что у нас — ре-пу-та-ция! А это значит что? Это значит, ежели с нами свяжешься, легко можно в репу огрести.

— Просто у нас груз такой, не ценный. Никому не нужен. Вот на обратном пути, когда припасы артели повезем, тогда всякое может случиться.

— Э, да когда это еще будет...

Поселок окружала стена из врытых в землю старых телеграфных столбов, перевитых колючей проволокой, и опрокинутых древних самоходов, для прочности засыпанная щебнем. Ворота — широкие, сбитые из досок и обшитые ржавыми капотами тех самых машин, которые пошли на сооружение стены. На дощатых помостах справа и слева от въезда торчали охранники с ружьями. На флагштоке развевался черно-желтый вымпел Южного братства — одного из самых крупных московских кланов.

«Панч» подкатил к воротам. Турана с Белорусом здесь хорошо знали, часовой просто махнул рукой — проезжай. Справа за воротами была стоянка, разграниченная железными столбиками, между которыми свисали цепи. Дорога огибала их и вливалась в улицу.

Московские старатели пришли сюда сезон назад и сразу принялись за дело: забурили скважину, установили ветряки и начали строить каменные дома. Для того артельщики в поселок известняк и возили. Видимо, нефти под землей было много, поэтому в низине нанятые с окрестных ферм батраки рубили шурфы. Старатели, похоже, собирались бассейн заложить, чтобы начать добычу открытым способом.

Машины каравана свернули на стоянку, за «Панчем» поехал лишь сендер их старшины. Улица была пуста, ветер гнал тучи белой пыли. На плоской, будто срезанной, верхушке холма в тени ветряков Туран остановил грузовик. Здесь, в добротном двухэтажном доме с черепичной крышей, находилась управа поселка. Старшина подкатил прямо к крыльцу, вышел и отправился к управителю. Белорус увязался следом. Туран заглушил двигатель, посидел немного, слушая, как тот, остывая, щелкает и потрескивает, потом полез на крышу. Разрядил ракетную установку и прикрыл ее кожухом. Вернувшись в кабину, включил приемник — на холме сигнал ловился получше.

— ...мы стоим на пороге новой Погибели, толкуют нам эти умники, — вещал Шаар Скиталец низким прокуренным голосом, — нашествие диких племен на Москву, надо же — новая Погибель! А что, у московских всегда так: если у них сокращаются доходы, они тут же кричат о новой Погибели.

Туран посмотрел сквозь окно дверцы на здание управы. Если там слушают радио, то речи Скитальца не поспособствуют укреплению дружбы между нефтяниками и местными кланами. Впрочем, по слухам, москвичи платили звонкую монету справно — а пока платят, все их любят. Вот перестанут, тогда и дружбе, глядишь,

конец...

— Ну разумеется, когда мутанты наседают на Московию, не до жиру. И топливные короли стали осваивать новые территории, притесняя честных нефтедобытчиков Пустоши! — продолжал Шаар. — Ведь иначе не удержишь монополию на топливо! Московским кланам и впрямь теперь несладко!

Туран окинул взглядом строящиеся дома под холмом... Однако деньги у нефтяников есть, раз поселок такими темпами возводят.

— А я, Шаар Скиталец, так скажу: пережили прежнюю Погибель, переживем и эту. Не бойтесь потрясений!

Дальше пошел отчет о курсах обмена Большого Рынка. Туран отметил, что рубль сильно упал в цене — надо сказать Белорусу, чтобы плату теперь брал только в гривнах. Из динамика полились коммерческие объявления: один фермер продавал недорого большой участок плодородной земли между Херсон-Градом и Мостом; в Харькове открылась первая мануфактура, деньги на которую выделил Владыка Баграт; Натаниэль Фишка, собственник автозаправки, предлагал бензин по ценам вдвое ниже московских...

Туран выключил приемник. Из раскрытого окна управы донеслись крики — старшина препирался с управителем, требовал аванс немедленно, прежде чем товар получат. Белорус поддакивал: если аванс уплатят, караванщики рассчитаются с охранниками. Если нет — придется ждать, пока разгрузят все самоходы, а на это может и день уйти.

В дверях появился Белорус, одернул жилетку, перетянутую патронными лентами, оглядел себя и сунул в зубы спичку, нацепив на глаза темные очки. Судя по его ухмылке, дело сладилось и за охрану с ним рассчитались. Серебро в руках неизменно приводило Тима в веселое настроение, даже если денег было немного, как сейчас. Белорус забрался в кабину и показал монеты:

— Живем! Ну что, в кабак? — И потер кулаком кривой белый рубец на правой скуле — память о схватке с бандой атамана Макоты. — Отметим успешное завершение дельца?

— Заправиться нужно, — напомнил Туран.

— Так я и говорю, поехали к Фишке!

Заправка, хозяин которой оплачивал объявление на «Радио-Пустошь», находилась как раз на окраине поселка. Москвичи уже несколько

раз предлагали Натаниэлю хорошие деньги за нее, но тот отказывался продавать бизнес и упорно держал низкие цены на топливо. Рядом с заправкой расположились заведения, принадлежавшие тому же Фишке, в том числе и кнайпа.

— Заправимся, и в кабак, брага у Натаниэля хороша!

Туран завел двигатель и поехал к окраине. А Тим не умолкал:

— Вот же скверные нынче времена! Ты слышал, Фишка вторую заправку поставил у Кривого оврага! Это значит что? Значит, бензовозы разъезжают туда-сюда, им охрана требуется, а Фишка жадный, нас не нанимает. А вот не случись нашествия мутантов, сюда бы московские диверсанты заявились. Тогда, будем говорить, пришлось бы Натаниэлю раскошелиться, заплатил бы он нам, а мы бы московских в щепки разнесли... — Белорус почесал большим пальцем рубец на скуле. — А когда война, он к нам не обратится, вот о чем я толкую...

Туран не стал отвечать, он считал по-другому. Все равно местного продавца бензина москвичи дождут, не сейчас, так попозже, когда свои проблемы с мутантами решат. Им точно не к

спеху, им даже хорошо, что все фермеры и проходящие торговцы к Фишке запрапляться ездят. Прикормил он людей низкими ценами.

Заправка Натаниэля была укреплена лучше, чем поселок — стены в четыре кирпича, казематы по углам, добротные железные ворота. Над воротами на длинном штыре покачивался вырезанный из жести силуэт бензовоза, в двух местах пробитый пулями.

Охрану на стороне Фишка не нанимал, службу у ворот несли его кузены и племянники, благо семья была большой и родни у торговца хватало.

Как-то само собой вышло, что, когда они въехали на территорию Фишки, Белорус потащил Турана в кнайпу раньше, чем заправили «Панч». При этом заявил:

Тим Белорус — как самоход,

Нуждается в заправке,

Залил горючки — и вперед!

И сразу все в порядке!

Туран не слушал стихов, он шагал за развеселившимся Белорусом, разглядывая стоящий у забора сендер. Дверца была распахнута, на сиденье и на земле рядом — не успевшие подсохнуть кровавые пятна. Да и в бортах свежие пробоины от пуль — сендер только что побывал в переделке. Во дворе никого не было, из приоткрытых дверей кабака доносился приглушенный говор. Белорус что-то еще трещал, сыпал веселыми прибаутками, но, едва шагнул за порог, в тень, сразу заткнулся. Молча снял очки и посторонился, пропуская Турана.

Посреди зала сидел на полу тощий долговязый старик, сам Натаниэль. Перед ним распростерся парень в окровавленной одежде. Фишка положил голову покойника на колени, гладил бледные щеки и, раскачиваясь, причитал:

— Внучок мой... наследник мой!

При каждом движении старика по его лысине пробегали отблески огней ярких ламп, горящих под потолком. Вокруг толпились люди, десятка два — родня Фишки, батраки, кабацкая прислуга. В задних рядах тихо перешептывались. Туран уловил обрывки фраз:

— Внук любимый, старик его хотел после себя старшим оставить... Миколай... ехали с бензовозом... банда Коськи Катрана... угнали

бензовоз...

Фишка вскинул голову, смахнул с морщинистых щек слезы и надтреснутым фальцетом выкрикнул:

— Убью Коську! За Миколку за мово — на куски резать буду! На клочки порву! Убью его! Своими руками!

Старик шмыгнул носом, снова утерся и велел:

— Эй, кто там? Дениска? Собирай людей, оружие возьми в сейфе. Нынче же поедем!

Денис, кряжистый коротышка со светлыми жесткими волосами, совсем не похожий на долговязого главу клана, потупился:

— Дядька Натаниэль, маловато нас будет против Катрана. У него и сендеров с полдесятка, и людей сколько... Не сдюжим мы. О прошлом сезоне уже бились с ним соседи, помнишь? Мало кто живым возвратился.

Старик уставился на Дениса, снова шмыгнул носом и опустил голову — приступ скорби миновал, племянник был прав, сил у клана Фишек неоставало для такого боя.

Белорус ткнул Турана локтем и шепнул:

— Выпивки нам здесь не обломится, а вот насчет работы, кажись, можно сговориться.

*

Немного позже Натаниэль, уже отмывший слезы и кровь внука, спокойный и сосредоточенный, торговался с Белорусом в собственном кабинете. День клонился к вечеру, косые солнечные лучи били сквозь затянутое шкурой ползуна окно и играли на лысине старика. Туран наблюдал — так у них обычно происходил торг, Белорус отчаянно препирался из-за каждого медяка, Туран помалкивал, но последнее слово оставалось за ним.

— Я велю своим, чтобы вам бензин за половинную цену отпускали, — напирал старик. — Сегодня у меня две их, заправки-то, к концу сезона третью поставлю, а там глядишь — и всю Пустошь я бензином да соляжкой снабжаю. Вы решайтесь, решайтесь, дело выгодное.

— Нет, папаша, я не пойму, — гнул свое Тим, — ты за родича сквитаться хочешь? И притом монету жалеешь? Что ж ты так, а? Это ж дело семейное, тут нужно щедрость проявлять! Подкинь золотишка!

— А ты подумай, — упирался Фишка, — всю жизнь! Бензин! И колесите по Пустоши хоть сто

сезонов! Всю жизнь вам за полцены наливать будут!

— Это сейчас ты так говоришь, — буркнул Туран, — а там нагрянут москвичи, и где твои заправки?

— Хотя, если к нам обратишься, мы и против московских помочь сумеем, — вставил Белорус. — А давай заключим договор? На постоянную охрану, а?

— Мне это не с руки, на постоянную... ну так что, насчет Коськи? Соглашайся, парень, соглашайся!..

Когда они сторговались, солнце уже село. Белорус с Тураном выбили у старика согласие расплатиться золотом и выговорили себе право забрать из добычи все, что понравится. Натаниэль решил, что отправится с отрядом родичей и тоже примет участие в схватке.

— Коську не убивайте, хочу живым его взять, — потребовал напоследок Фишка. — Сам с ним рассчитаюсь. По-свойски!

— Это уже как получится, — ухмыльнулся Белорус. — У меня знаешь, какой удар с правой? После него не всякий выживает!

— Мы попробуем взять живым, но обещать не могу, — заключил Туран.

Выступить решили на рассвете, чтобы до полудня успеть добраться к руинам, в которых обосновалась банда Катрана.

Клан Фишек выставил четыре сендера, в которых разместилось полтора десятка вооруженных родичей и батраков Натаниэля. Сам старик ехал в замыкающей машине, обшитой листами железа и оснащенной пулеметом. Возглавлял колонну «Панч». Катили нарочно медленно, чтобы у бандитов было время подготовиться и атаковать первыми. Руины, в которых обосновался Катран, взять будет непросто, лучше схватиться на открытом месте.

Туран вел грузовик, сосредоточенно глядя в крестообразную прорезь между листами обшивки, покрытыми доминантской броней.

— Чего такой смурной? — Белоруса предстоящая схватка как будто вовсе не волновала. — Заскучал, а, Тур? Сейчас повеселимся!

— Нужно было Фишке сказать, чтобы пару бензовозов прихватил, сошли бы за торговый караван, — пояснил Туран. — Теперь жалею, поздно сообразил. Вдруг Коська не захочет

связываться?

— Захочет! — уверенно заявил Тим. — Он из тех, кто не упускает случая на пулю нарваться. Только мы его обманем, вместо пули вот чем угостим.

Белорус погладил экран локации. Сейчас матовый кругляш, перечеркнутый линиями разметки, был пуст, разве что крошечные искорки отмечали, что поблизости в земле покоятся какие-то старые железяки.

Позади закричали — голос едва прорывался сквозь рокот мотора и мерный шелест шин под днищем «Панча». Белорус приоткрыл дверцу и глянул назад. Голос подал пулеметчик Фишки, тот самый Денис, что вчера опасался нападать на банду Катрана. Его сиденье было поднято высоко, и Денис в здоровенный бинокль углядел кого-то в степи. Туран затормозил, сендеры стали съезжаться к нему. Предстоял последний разговор — потом, когда начнется схватка, уже будет не до бесед.

Денис прокричал, размахивая биноклем:

— Заметили нас, выезжают навстречу! Сколько — не разглядел, пыли много! А потом они в лощину скатились, сейчас не вижу их!

Туран прищурился — впереди на фоне равномерно желтой равнины выделялись серой полосой руины поселка. Там, впереди, холмы — невысокие, однако сендер, а то и самоход, укрыть за склоном можно. Если Коська не дурак, то постарается устроить засаду. А он, говорят, в самом деле малый сообразительный. Рисунок предстоящего боя уже начал складываться в голове Турана. Он немного подумал и крикнул, чтобы услышал Фишка:

— Держитесь за нами в сотне шагов! Не приближайтесь, пока не разделаемся с их сендерами!

— Ха, этот приказ им по душе! — ухмыльнулся Белорус. — Вот если бы ты их вперед послал, ох они бы и развонялись, затопчи меня кабан!

Потом он тоже стал серьезным и аккуратно протер рукавом круглое окошко локации. «Панч» медленно покатиł вперед. Отъехал от каравана и встал. Белорус выбрался на крышу и снял сварной железный кожух, которым была прикрыта пусковая установка. Потом вставил снаряженную ракетами кассету. Когда он возвратился в кабину, Туран включил скорость и повел «Панч» прямо к лощине.

Сендеры выждали и тоже тронулись — дистанцию в сто шагов они соблюдали очень

старательно, и даже с запасом. Когда выехали на возвышенность, Туран осмотрел равнину перед собой — нет, пыли не видно. Пыль всегда выдает движущиеся сендеры, тем более сегодня ветер сильный, должен разнести песчаные шлейфы.

— Не спускай глаз с локации, — велел он Белорусу, — Катран остановился, ждет в засаде.

— Ага... я гляжу. Пока что только Фишка с родней, больше ничего не вижу.

Тим в самом деле больше не скалился, даже спичку выплюнул и сидел, уставившись на экран локации. «Панч» медленно продвигался к руинам, сендеры пылили позади.

— Куда ж они подевались? — пробормотал Белорус, снова и снова протирая локацию рукавом. — Здесь место ровное, лощины неглубокие, холмы невысокие...

— Хватит, дыру протрешь.

Белорус засопел, нагнулся и нащупал под сиденьем автомат в кожаном чехле, вытянул, проверил затвор.

— Я на крышу вылезу, гляну сверху?

— Сиди.

Серые бетонные развалины уже отчетливо выделялись на фоне бледно-голубого неба, даже трещины можно было различить на стенах. Наполовину разрушенная водонапорная башня высилась над древним поселком, светлыми пятнами выделялись в сумерках выбеленные временем да кислотными Дождями доски крыш на некоторых зданиях. Город как-то пытались заново обжить после Погибели, но сейчас он опять был заброшен.

— Вижу! — Белорус даже подпрыгнул на сиденье от возбуждения. — Вижу! Три, нет, четыре! Нет, пять!.. Пять сигналов на локации. Вон там!

Туран глянул, куда тычет пальцем рыжий — там вытянулся пологий холм, недостаточно высокий, чтобы скрыть затаившиеся сендеры бандитов. Над песчаным гребнем торчали обломки бетонных стен и ржавая арматура — значит, и перевалить гребень не удастся. По эту сторону холма в песок врос остов сгоревшего самохода — похоже, следы неудачной вылазки против бандитов, которую устраивали в прошлом сезоне соседи Фишки. Здесь Катран фермерское ополчение встретил и разгромил.

Туран покосился на экран под приборной панелью.

— Этот сигнал, что впереди, вот он, сгоревший самоход. А остальные за холмом, так, что ли?

Белорус почесал рубец на скуле.

— Чего же они хотят? Ну ладно, если там ложбина или, будем говорить, яма, то сендеры, конечно, укрыть можно. Но ведь через холм они не проедут? Поверху не проедут, а? Стены поперек стоят, не дадут проехать!

— Может, хотят отрезать нас от Фишки? Вокруг холма нам в тыл выйти? Потом увидим, что там такое. А сейчас гляди, я беру левее, отъезжаю от холма. Им придется действовать, но мы дадим залп прежде, чем они подкатят вплотную. Значит, я еду левой, когда они окажутся справа от нас, разворачиваю «Панч», и ты...

— И я бью с правой! — Белорус оскалился.

— Две ракеты. Или три, самое большее. Не увлекайся.

Туран повел самоход, держась в стороне от холма, за которым локация обнаружила цели, и забирал левее — дальше и дальше от бандитов. Катран не мог покинуть засаду, потому что за «Панчем» с большим отрывом следовали сендеры Фишки. Ударить по самоходу означало

подставить фланг, это Катран, конечно, понимал. Но и бездействовать ему тоже было невозможно — сейчас главарь банды должен принять решение. Когда Белорус крикнул, что точки на локации уже почти сравнялись с горизонтальной линией, проходящей через центр круглого экрана, Туран повернул руль — «Панч» двинулся по дуге, разворачиваясь к холму. Прямо по курсу был сгоревший в прошлом сезоне самоход, и Туран успел подумать, что одна ракета может пропасть зря... Белорус занес руку над пультом ракетной установки...

И тут обращенный к «Панчу» склон холма пришел в движение. Огромная масса песка покатила по скату, рассыпаясь в стороны, взметнулись вихри пыли, крепкий ветерок подхватил их и понес, разворачивая в мутную полосу. Сквозь желто-серую пелену проступил темный прямоугольник — будто там, позади песчаной завесы, открылись ворота в чрево холма.

— Ну, сейчас! — азартно выкрикнул Белорус.

Туран молча взмахнул рукой, отбрасывая пальцы Тима от клавиш. Левой он держал руль, правую занес над пультом.

— Ну давай, ну чего ж ты! — взвыл рыжий.

— Рано!

На Турана накатил приступ — одно из тех озарений, какие случались с ним перед боем. Он словно видел одновременно всю равнину — и холм, который вовсе не холм, а занесенное песком бетонное здание; и стальные ворота в стене, управляемые древним механизмом; и Коську Катрана, скрежещущего зубами от нетерпения, и бандитов в сендерах. Сколько у них машин? Три? Четыре? Сейчас они должны быстро пролететь по тоннелю сквозь холм, вырваться на равнину, развернуться цепью и атаковать одинокий самоход — причем быстро, очень быстро, пока сендеры Фишки пылят в ста с лишком шагах позади.

Сквозь песчаное марево в темном прямоугольнике проступили очертания сендера с горящими фарами, и Туран утопил газ в пол, одновременно щелкая рычажком пульта. Потом, когда «Панч», ревя, словно раненый манис, пролетел с два десятка шагов, он выпустил вторую ракету. Скорость нужна была, чтобы они вылетели с промежутком и поразили разные цели.

Песок перед разогнавшимся «Панчем» встал огненным столбом, взметнулись обломки.

— Тормози! — заорал Белорус, роняя автомат.

Откинувшись назад, он уперся ногами в пол, а руками — в приборную панель.

Туран попытался остановить самоход, но не успел — из черной дымовой завесы навстречу «Панчу» вылетел горящий изломанный скелет машины, переворачиваясь в полете. Врезался боком в радиатор, «Панч» содрогнулся от удара, Туран вывернул руль, под колесами хрустнули обломки... «Панч», грохоча, дребезжа и тяжело переваливаясь на перемолотом железном остове, прокатил еще немного и остановился. Белорус, трясая головой, подобрал автомат и выглянул сквозь узкую щель в дверце — «Панч» замер правым боком к длинному холму.

— Что там? — прохрипел Туран, массируя ушибленную о рулевое колесо грудь и сплевывая песок.

Серая завеса из дыма и пыли начала оседать, обрисовались очертания холма. Посередине он провалился, сложился внутрь себя, среди косо стоящих бетонных плит пылали искалеченные сендеры, — первая ракета, вероятно, угодила в головную машину бандитов, вторая разорвалась в тоннеле, прорезающем холм, и обрушила своды.

Белорус закричал, тыча рукой в сторону развалин города. Туран слышал его как сквозь

толстый слой ваты. Потряс головой, в ушах щелкнуло, донеслось гудение моторов сбоку и сзади, прорезался голос Белоруса:

— Уходит! Гляди! Один сбежал!

В сторону засыпанного песком города, вихляя задним мостом, катил сендер, за ним тянулся шлейф густого черного дыма, горело что-то в багажнике, горели скаты, багровые ступки пламени вращались на ступицах.

Подъехали сендеры Фишки, сам он стоял на переднем сиденье, держась рукой за борт. Венчик седых волос вокруг лысины стоял торчком.

— Где он? Где Катран? — требовательно завопил Натаниэль.

— Там поищи, — махнул рукой Белорус. — Вон твои катраны — под холмом валяются. Холмик нам пришлось развалить, конечно, чтобы их выковырять.

Туран следил за удаляющимся сендером — это был головной, ракета не настигла его, угодила в ржавый остов самохода, обломки которого попали под колеса «Панча», так что сендеру удалось вывернуться — теперь он спешил под покрытие бетонных стен. Вот он резко вильнул и, не доезжая полсотни шагов до построек,

ткнулся в бархан. Из кабины справа вывалился человек и остался лежать неподвижно, над телом курился дымок, тлела одежда. Вслед за мертвецом выбрался бандит, еще один выскочил слева — этот вел сендер. Две фигурки, пригибаясь, побежали к стенам. Увязнув ненадолго в песке у подножия развалин, поспешили дальше изо всех сил.

— Вон Катран, это он! — крикнул один из Фишкиных подручных. — Снова сбежал!

— За ним! — рывкнул старик. — Сами его возьмем!

— Нет уж, дедуля, — буркнул Белорус. — Нам добыча полагается. Эй, Тур, давай, не отставай! Жми!

Сендеры торговцев, объезжая «Панч», устремились к руинам, Туран двинулся за ними.

— Давай скорей! — азартно потребовал Белорус. — Не то Фишка, затопчи меня кабан, все бандитское барахло к рукам приберет!

— Я думаю, там еще много бандитов скрывается, в городе, — возразил Туран. — Не будем спешить.

Сендеры, огибая горящую машину, подъехали

к развалинам, нырнули в тень, отбрасываемую стеной... первый скрылся за углом, следом и остальные втянулись в улицы. «Панч» катил медленно, Туран, шурясь, вглядывался в развалины, словно чего-то ждал. Белорус то и дело косился на него, но болтать не решался. Бабахнул взрыв, над разрушенным городом поднялся столб дыма. Туран удовлетворенно кивнул в ответ собственным мыслям.

*

Когда «Панч» поравнялся с горящим бандитским сендером, Туран затормозил. Белорус прыгнул и, прикрываясь ладонью от разлетающихся искр, подбежал поближе. Обошел вокруг, пнул мертвеца, потом бегом возвратился.

— Ничего интересного! Поехали.

В развалинах то и дело вспыхивала перестрелка, палили сразу не меньше десятка стволов, и непонятно было, кто куда стреляет — всякий громкий звук подхватывало эхо, отголоски подолгу бродили по засыпанным песком улицам. «Панч» въехал в тень, потом выкатился на широкое пространство, прежде бывшее улицей. Бетонные коробки справа и слева тарасились пустыми прямоугольниками окон, некоторые были украшены поверху черными разводами копоти — в разрушенных

домах не так давно что-то горело. Под стенами громоздились кучи песка, из них торчали обгорелые доски, угловатые куски бетона и ржавые прутья арматуры. Дома были разрушены, и перекрытия, наверное, не везде сохранились.

— Плохо дело, — пробубнил Белорус, — здесь железо повсюду, локация взбесилась.

Туран поглядел — по круглому экрану вспыхивали целые созвездия огоньков, среди них, как рыба в сетях, трепыхались крупные объекты. Ржавого хлама здесь было в избытке.

Дорогу преградила груда бетонных обломков, засыпанных песком, Туран поехал влево — и тут же наткнулся на стоящий сендер. Денис, укрываясь за капотом, целился из ружья в окна второго этажа здания напротив, рядом с машиной копошились еще двое людей Натаниэля — один рычал сквозь стиснутые челюсти, другой бинтовал ему простреленную руку. Правого переднего колеса у сендера не было, под искореженным диском дымилось черное углубление в земле, след взрыва гранаты. Ошметки ската вяло источали струйки жирного черного дыма...

«Панч» затормозил, и Белорус полез с автоматом в башенку за кабиной. Батрак Фишки закончил бинтовать раненого, подхватил

дробовик, высунулся из-за сендера сзади. Тут же в здании напротив ударили два выстрела. Белорус азартно крякнул и засадил по окнам из автомата. Денис с батраком бросились к входу в дом. Чуть погодя внутри началась стрельба, кто-то пронзительно взвыл, крик перешел в хрип и смолк.

— Давай вперед, но медленно, — бросил сверху Белорус.

Туран вытянул помповый дробовик из-под приборной доски, проверил затвор, положил оружие на сиденье рядом и тронул «Панч» с места. В здании, оставшемся сзади, хлопнул одиночный выстрел. Потом стрельба зазвучала где-то впереди, эхо бродило между бетонными стенами и мешало определить направление. «Панч» неторопливо полз по улице, объезжая груды обломков, время от времени совсем рядом раздавались выстрелы, но на глаза никто не показался. Наконец самоход выкатил на площадь, посреди нее на растрескавшемся древнем асфальте стояли два сендера, люди Натаниэля, укрывшиеся позади машин, часто стреляли по окнам — сразу видно, на патроны Фишка не поспешил. Пули и заряды дробы били в одинокое двухэтажное здание, цокали по стенам, отбивали куски кирпича и пласты штукатурки. Время от времени раздавался ответный выстрел — то ли с Катраном осталось

совсем мало людей, то ли он замыслил какую-то хитрость. Между сендерами и входом в здание лежали два покойника и чернели свежие следы от разрывов гранат. Дверь была заперта и выглядела очень внушительно, хотя ее заметно посеколо осколками.

Натаниэль, надсаживаясь, орал:

— В дом! Давай, навались! Хватайте Коську! Обойти! Сзади влезть! Кто Катрана приведет живым, золотой подарю! Ну!

Батраки и родня торговца не спешили заработать золотой. Когда «Панч» остановился рядом с сендерами, молодой долговязый парень — один из многочисленных внучатых племянников Натаниэля, пожаловался:

— Гранаты бросают! Поди-ка сунься к двери — в окошко гранату бросят!

В оконном проеме возник силуэт, человек выстрелил и тут же исчез. Стрелял он неплохо — навскидку, не целясь, а рядом с Тураном на дверце, обшитой доминантской броней, будто волдырь вскочил — вмятина от пули.

— Эй, — крикнул Белорус. — Посторонись, народ торговый! За нами не лезть, а то подстрелю ненароком! Сейчас вам к столу

жареного катрана подадим!

Тим сменил магазин автомата, Туран тем временем подал «Панч» назад, развернул — так, чтобы кабина глядела точно на входную дверь. Пространства было маловато, и ракета, конечно, уйдет вверх... но дальше отъезжать было бы неразумно, электроника пустит снаряд в сторону, здесь же повсюду железо.

— Ложись! — весело заорал Белорус. — Сейчас увидите мой коронный справа!

Туран щелкнул тумблером на пульте управления пусковой установкой.

Как и следовало ожидать, стартанувшая ракета начала набирать высоту, потом электроника уловила что-то железное внутри здания — взрыв вышел на уровне второго этажа. Обломки и осколки застучали, словно густой дождь, по капотам и крышам сендеров, досталось и «Панчу». Туран с Тимом быстрее, пока не пришли в себя бандиты в здании, бросились к двери. Белорус выхватил световой нож и в несколько взмахов перерубил петли, Туран ударил плечом, дверь провалилась внутрь и хлопнула по полу, подняв облако пыли.

В доме царил мрак, окна нижних этажей были заложены кирпичом. Туран с Тимом бросились к

лестнице. Коридор второго этажа, расчерченный на черные и светлые прямоугольники, озаряло солнце, яркие лучи били в окна и освещали стены напротив дверных проемов. Туран кивком указал Белорусу на вход — похоже, стреляли по «Панчу» именно оттуда. Тим прыгнул внутрь, вскидывая автомат, простучала очередь, с шорохом свалилось что-то тяжелое, а Туран уже бросился, припадая к полу, в соседнюю комнату. Он знал, что внутри кто-то находится — по стене, в ярком прямоугольнике, промелькнула тень. Поэтому Туран пригнулся, выставив перед собой дробовик, и прыгнул. Над головой свистнула пуля, выбила штукатурку из стены позади, Туран выстрелил, уследив краем глаза мелькнувший слева силуэт. Перекатился, досылая в движении новый патрон в ствол, выстрелил снова и, уже вдавливая спусковой крючок, сообразил, что палит в пустоту, противник после первого выстрела бросился в противоположную сторону. Туран развернулся, попытался вскочить — человек отшвырнул разряженный обрез, прыгнул навстречу, получил удар прикладом, но это бандита не остановило, он вцепился в помповик и навалился на Турана сверху, повалил на спину. Извернувшись, Туран всадил колено в пах нападавшему и тут же боднул головой — вышло удачно, удар пришелся в челюсть, хрустнула кость, бандит дернулся и обмяк. В себя он пришел быстро, но Туран успел его сбросить и

прижать к полу.

— А, развлекаешься, — весело объявил, входя, Белорус, — любите вы, молодые, кулаками помахать. А мне несолидно как-то, я обычно с первого выстрела... Э, да это и есть Катран, что ли?

Туран только теперь разглядел противника. Высокий тощий парень, довольно молодой. Лицо у Катрана было вытянутое, странно узкое, будто заостренное, и взгляд голодный. Неприятный тип. Одет он был в длинный плащ песочного цвета. Белорус, не теряя времени, проворно обшарил пленника, отыскал тощий кошель.

— Что ж так, а, Коська? Говорят, грозный бандит, половину Пустоши в страхе держит, а в кошельке пусто! Эх, до чего измельчал нынче человек...

Коська молчал, только водил узкой челюстью, на которой после удара Турана разливался кровоподтек.

— Измельчал... Разве это бандит? Так, мелочь. Вот раньше, бывало... э, а это что у тебя? — Белорус выудил из-под ворота Катрана тесемку, потащил и извлек плоский треугольный мешочек. — Надо же, кохар! Смотри-ка, совсем как настоящий, не хуже моего.

— Люди, не убивайте, — замычал бандит. — Отпустите!

— Еще чего — отпустить! А развлечения? — Белорус упрятал добычу в карман и огляделся. — О! Вот что мне нужно.

В углу среди разнообразного хлама валялась бухта каната, с виду прочного.

— Я скажу, куда Фишкин бензовоз поставил, отпустите? — снова заговорил Катран.

— Толку с твоего бензовоза, Фишка его из рук не выпустит... — Белорус быстро соорудил удавку. — А ну держи его, Тур!

Туран не понял, что хочет сделать приятель, но ухватил пленника покрепче, тот дернулся раз, другой, Белорус придавил его ноги коленом и накинул на щиколотки удавку. Дернул, затягивая петлю.

— Я вам секрет скажу, вы богатыми будете! — быстро затараторил Коська. — А с меня хоть так, хоть этак, много не возьмете.

— Это верно, взять с тебя нечего. Но я все же попытаюсь нынче получить свою выгоду.

Вскоре пленник болтался вниз головой

снаружи, веревку Тим закрепил на ржавой трубе под окном, перекинул через плечо и теперь понемногу стравливал, приговаривая:

Тим Белорус, когда начнёт,

Доводит до конца —

Натаниэля Фишку влёт

Поймает на живца!

Люди Фишки столпились под окном, наблюдая, как к ним в руки медленно опускается Коська. Тот боялся пошевелиться, чтоб не вырвать веревку из рук Белоруса, но когда увидел жадные глаза старика Натаниэля, задержался и заорал:

— Эй, подними! Подними! Ты чего?! Скорей!

Натаниэль, хищно растопыбив скрюченные пальцы, устремился к пленнику, тогда Белорус потянул веревку и крикнул:

— Туран, помоги!

Вдвоем они втянули бандита повыше, тот

согнулся в поясе, зашарил руками по стене и закричал:

— Не отпускай! Держи крепко! Не отпускай!

— Тебя, Коська, не поймешь, то «отпусти», то «не отпускай»... Эй, Фишка! Накинь десять золотых премии, тогда получишь это счастье! — Белорус встряхнул веревку, и Коська, уже успевший зацепиться за трещину в стене, снова закачался, шурша плащом по иссеченной пулями осыпающейся штукатурке.

— Мы так не уговаривались! — заорал снизу старик.

— Растопчи меня кабан, с кем приходится иметь дело! Что ж ты такой жадный, а?

— Не отпускай! — снова подал голос Катран. Теперь он терся о стену под самым окном. — Я секрет скажу, правда! Этот кохар я с деда снял! Дед с Фишкиным караваном ехал, попутчик! Он отбивался, меня укусил два раза... крепкий дед! Кричал, что если его в Киев сопроводить, то Храм тамошний за него, за деда то есть, сотню золотых отвалит! Послание важное...

— Серебряк киевский дам! — заорал Натаниэль. — Слышь, ты, рыжий? Два серебряка!

— Я не рыжий, я золотой, я стою дорого! Сказал же: десять гривен!

— Не слушай Фишку, он обманет! — в отчаянии взвыл Катран, которого Белорус, задумавшись, опустил немного ниже, так что Натаниэль, резво подпрыгнув, едва не ухватил «живца» за волосы. — Эй, в чем дело?! Я же тебе такой жирный куш даю! А отпустишь — не узнаешь, где дед под замком сидит!

— Здесь он, в подвале сидит, — заговорил Туран. — Вы же здесь жили, здесь и добычу, конечно, держите. Я и без твоих слов сходил бы проверить.

— Точно, Тур, — поддержал Белорус, — я в подвале пошарю — небось не только драгоценного деда найду, но и много всякого разного добра, а?.. Натаниэль, ты подумал над моим предложением?

— Дам гривну!

— Десять! Не жмотись, смотри, какой товар у меня! — Тим тряхнул веревку. — Разве он не стоит десятки?

— Две!

— Ладно, некроз с тобой! Девять!

— Три!

— Туран, поднимай Коську.

— Семь! Семь гривен!

— Повезло тебе, Катран. Другой бы тебя пристрелил, а я отпускаю.

*

Спускаясь в подвал. Белорус заговорил совсем другим голосом. Веселость его улетучилась, и тон был скорее расстроенный.

— Давно хочу тебе сказать. Тур: мелкое здесь все. Ну что мы с тобой совершили, будем говорить, героического со времен Херсонградского побоища? Да ничего, затопчи нас кабан!

— Я отомстил за семью.

— Ну да, конечно, это верно. Ну а потом? Вот возьмем, к примеру, этого убогого Катрана... Мелочь! Поди-ка сравни его с Макотой, да он же словно ползун перед панцирником! Тьфу, а не бандит! Нет, и не спорь со мной! Измельчала Пустошь, иссякла! Нет героев, не осталось ни одного великого злодея... Тогда, после драки с Макотой, я как рассуждал? Мы с Тураном будем

колесить по Пустоши, визнавать всякие ее секреты и разгадывать загадки, это окажется очень весело! И очень доходно! А потом я приду к Макс и скажу: «Угости меня обедом, красавица, а я тебе расскажу такое, что у тебя уши трубочкой свернутся...»

— Дался тебе этот обед, третий сезон о нем мечтаешь. Пришли. Ага, заперто... Погляди в кошельке Коськи, ключа там нет?

— Вот он, ключик.

Белорус отпер замок, они отворили дверь. За ней начинался длинный коридор, изнутри пахло плесенью. Тусклого света, льющегося с лестницы, хватало, чтобы разглядеть проход на пять-шесть шагов. Дальше было темно.

— Эй, душа живая, отзовись! — позвал Белорус. — Дед, выходи!

Тишина.

— Неужто соврал Коська? Ай-яй-яй, пред смертью врать — как нехорошо... дед, ты здесь? Мы — отважные герои, спасти тебя пришли!

— А тут я, — сочным басом ответили из темноты.

Перед Белорусом во мраке возник приземистый силуэт. Передвигался старик совершенно бесшумно.

— Выйдем на свет, — сказал Туран.

— погоди, а пошарить здесь, барахло бандитское поискать?

— Нет здесь ничего, иначе пленника не заперли бы, — бросил Туран через плечо. Он уже шагнул по лестнице. Белорус вздохнул и пошел следом, бормоча:

— Вот всегда с тобой так. Я бы поискал, пошарил по подвалу. Пусть не нашел бы ничего, зато развлечение. А ты лишил меня надежды. То есть ты прав, конечно, как всегда прав... и это грустно.

Освобожденный дед засеменял за Тимом. Выйдя на свет, он оказался совсем невзрачным, его внешность никак не соответствовала густому глубокому голосу. Приземистый, тощий, хотя и широкоплечий. Голова обмотана тряпкой, одет в грязный желтый плащ — длинный, едва не до пола. Под обтерханным краем плаща — кожаные штаны и стоптанные башмаки со шнурками. Лицо скрывается под свисающими концами повязки и здоровенными темными очками. Левое стекло треснуло. Видно только, что старик

очень смуглый.

Когда поднялись на первый этаж, дед спросил:

— Стало быть, убит Коська Катран?

— Раз уже не орет, стало быть, прикончил его Натаниэль, — пояснил Белорус. — Поначалу-то орал. Мы его живым взяли, чтобы потешился старичок, отомстил за внучка убиенного.

— А вы кто такие? — Когда спасенный говорил, голос его гудел, переливался по коридору из конца в конец и казался чем-то густым, вещественным.

— Ох, и голос у тебя, папаша, — восхитился Белорус. — Его, будем говорить, можно на лепешку намазать. Ревешь, как кабан! Видал кабанов когда? Они на севере живут, ревут вроде тебя.

Старик покачал головой. Кабанов он не видел.

— Ну а мы, чтобы ты знал, великие герои. И за небольшую плату — за, будем говорить, совершенно ничтожную плату — беремся за опасную работу... ну и доводим ее до конца. Если нужно кого убить, то есть злодея прикончить или, напротив, кого-то защитить из числа обездоленных и обманутых, это по нашей части.

Старик с шорохом втянул воздух морщинистым носом и, неожиданно быстро шагнув к Белорусу, ткнул в один из многочисленных кармашков жилетки:

— Отдай!

— Чего?

— Кохар отдай! Мне без него плохо. — Дед говорил уверенно и руку тянул так, будто знал: отдадут то, что попросил. — А если работа вам нужна, так я предложить могу.

— У тебя золота нет, — неуверенно возразил Белорус.

Веселье вдруг покинуло рыжего, было что-то необычное в манере старика, что-то такое, что заставляло слушать его и беспрекословно соглашаться.

— Отдай кохар, — кивнул Туран. — Что предложишь, дед?

— Есть у вас самоход? Свезите меня в Киев, в тамошний Храм. В награду получите золото. У меня нет, но в Киеве вам заплатят за вести, которые я везу.

— Много заплатят?

— Много, — старик качнул головой, и отблески пробежали по стеклам очков.

— Сто золотых? — Белорус попытался говорить насмешливо, но у него получилось, вопрос прозвучал как-то неуверенно.

— Сто — слишком много. Катрану говорил «сто», потому что он разбойник, с ним по-честному нельзя, а вам обещаю справедливую плату.

— А не брешешь? — Тим бодрился из последних сил.

— Шакалы брешут, Илай правду говорит.

— Илай, значит, — повторил Туран. — Хорошо, расскажешь по дороге о своем деле. Здесь все равно оставаться незачем. Если что стоящее у тебя, мы возьмемся.

На площади возле сендеров толпились родственники и подручные Фишки. Когда Туран со спутниками вышли из дома и направились к «Панчу», толпа расступилась — люди подались в стороны, чтобы поглядеть. Посередине остался Натаниэль с топором в руках. По лезвию стекала кровь. Старик, кряхтя, разогнул поясну и приложил ладонь ко лбу, разглядывая Илая.

— А это кто с вами? Не один ли из бандитов?

— В плену у Коськи был, мы освободили. Будем говорить, спасли от верной смерти.

Спасенный пленник Фишку не интересовал. Он тут же отвернулся и ткнул окровавленным топором в сторону Дениса, тот попятился.

— Голову с собой заберем, понял? — прохрипел Натаниэль. — Над воротами повешу. Там, где жестяной бензовоз, только чуть повыше.

Илай забрался в «Панч» и тихонько уселся за водительским сиденьем. Грузовик тронулся, площадь осталась позади. Туран вывел «Панч» из лабиринта развалин, перед ними расстилалась Пустошь. Илай принялся монотонно рассказывать:

— Я еду в Киевский Храм с поручением от Владыки Баграта. Везу письмо важному человеку. Человек тот вестей очень ждет, а птиц почтовых у Владыки не осталось, он меня послал. За такие вести награда будет, так мне самим Владыкой Багратом сказано. Я пристал к торговому каравану, думал, довезут безопасно. Но налетела банда, и...

— Понятно, — бросил Туран. — Мы едем в Киев.

— А... — начал было Белорус, потом почесал рубец на скуле и промолчал.

Когда проезжали мимо молодой липты, пробившейся среди каменной россыпи, Илай попросил остановить и дать ему нож.

Он вылез из самохода и направился к дереву. Опустился на колени среди выпиравших из земли камней, поклонился — просил у дерева прощения за предстоящий ущерб. Сделал надрез на коре, дождался, пока стечет капля смолы, и замазал трещину на стекле очков.

Белорус, наблюдая за поведением странного спутника, только головой покачал:

— Смотри, какой дед. Вроде дикий совсем, а как заговорит — так вроде ничего, очень даже ого-го! А ты почему согласился-то с ним в Киев ехать?

— Ты же сам хотел.

— Я? С чего ты взял?!

— Жаловался мне: измельчал человек, нет подвигов, нет добычи... Нечего Знатоку рассказать. Ну так вот тебе случай. Владыка Баграт, Киев, важный человек... и золото. Мы и впрямь давно не получали стоящих заказов.

Глава 2.

Все дороги ведут в Киев

Небрежно сжимая руль, Альбинос разглядывал пустынные земли, через которые ехал сендер. Пологие холмы чередовались с каменистыми пустошами, тут и там торчали обглоданные временем руины. В сглаженных песком и ветром очертаниях стен четкие прямоугольники окон смотрелись чужеродно. Ветер налетал из-за холмов порывами, шевелил длинные волосы Альбиноса. Он отбрасывал черные пряди и размышлял.

— Значит, я еду в Киев покупать себе машину, — сказал он и покосился на Разина.

Тот морщился, сжимая виски ладонями — второй день пытался наладить общение с Голосом, то есть с «Квазиразумным оружием Технотьмы „Сингулятор-Х121“», которое было закреплено на его левой руке. Дело не очень-то ладилось.

— Разин!

— М-м?

— Я говорю: я еду в Киев покупать сендер. И еще хочу узнать о себе. Кто я, в конце концов,

такой? Почему у меня белые волосы, не такие, как у других... так что приходится их красить, чтобы не слишком выделяться? Почему оружие доминантов подчиняется мне и не слушается тебя? Ведь не слушается, верно?

Разин не ответил.

— Знаешь, я никогда не брал попутчиков, но если уж мы оказались вместе, то давай поговорим, что ли?

— Спящий режим, — буркнул Разин, выпрямился и потер глаза. — И как тебе удавалось с этой программой столкнуться...

— Вот я и говорю, что-то со мной такое, я отличаюсь от других. Почему? Я еду в Киев, чтобы поискать там ответ. А ты? Что тебе в Киеве нужно?

— Я ищу доктора Губерта.

— Зачем он тебе? Из-за нападения на Арзамас?

— Губерт убил Юну Гало. Она была единственной женщиной в моей жизни, которая... Единственным близким человеком.

Альбинос кивнул.

— Я понимаю. Кто вообще такой этот Губерт? Тебя послушать, так он вертит большими делами, а я о нем впервые узнал от тебя.

— Губерт — человек из прошлого, как и я. Он знал о Погибели, заранее подготовился и сумел переместиться сюда, в твоё время. Взял с собой оборудование, помощников...

— А ты — один из них? Ты сбежал от него?

— Нет, я... долгий разговор. Но у Губерта можно будет много чего узнать, прежде чем я его убью. И ты тоже сможешь получить какую-то интересную информацию. Здесь сверни!

— Это же поворот на Рязань?

— Да.

— А мы собирались в Киев!

— В Рязани сидит агент Меха-Корпа. У него узнаем новости. Что?

Альбинос ухмылялся.

— В Рязани у меня тоже найдутся дела. Меня там наняли, подрядили отвезти взрывчатку в Арзамас. Расстрига Богдан, которого ты убил у Отстойника. Ты ещё решил, что он работал...

— На Губерта, да.

— Ну и теперь я хочу с Михой Ротником потолковать. Должок за ним остался, понимаешь ли. Я же из-за него влип в эту историю с Богданом, из-за Михи и его брата. Ротники там всем заправляют... И они мне денег должны, а я не уверен, что арзамасских монет хватит на самоход.

— Покажешь мне этого Миху. Если он был связан с Богданом, а тот — с Губертом...

— Не только покажу! Я вас с ним познакомлю.

Ветер донес лошадиное ржание, Разин переложил на колени перевязь с обрезам и опустил ладонь на рукоять.

Из-под колес взметнулись рыжие тучи песка. Взревев мотором, машина преодолела пологий склон, выехала на вершину холма — впереди открылась панорама древнего поселения.

Под холмом были развалины, несколько приземистых каменных построек без крыш, возле них стояли повозки и фургоны, не меньше десятка. Вокруг повозок расхаживали пестро наряженные люди, еще несколько копошились в развалинах. Когда сендер выехал на холм, суета прекратилась, незнакомцы собрались у фургонов.

— Цыгане, — буркнул Разин, — вот уж кто не изменился. Этим и Погибель нипочем.

— Лошади в здешней местности не очень годятся, — заметил Альбинос. — На юге ящеры лучше.

«Цыган без лошади, как без крыльев птица», песня такая была. Они с севера, думаю. В Москве, говорят, табор обосновался. А вот чего их сюда занесло...

Сендер перевалил за холм, и табор скрылся из виду. Ехали они уже долго, Альбу было скучно, и теперь он, воспользовавшись нечастой разговорчивостью Разина, решил поддержать беседу.

— Видишь, в руинах решили поковыряться. Здесь до них десятки раз копали, ничего они не найдут.

— Эти найдут.

Разин снова умолк, отвернулся, и разговор заглох. Альбинос свернул, объезжая занесенные песком остатки крупного здания, и когда обогнул развалины, снова стало видно цыган. Вдалеке жажнул выстрел, в ответ раздался пронзительный вой. Альб с Егором обернулись.

На гребне песчаного холма позади руин показался наездник на манисе. В белесое небо торчал заостренный штырь, украшенный растрепанными перьями — копье мутанта.

Стрелял молодой цыган, дробь рассеялась в стороне, далеко от дикаря. Тот взмахнул копьем, снова завыл, ударил ящера пятками, разворачивая, — и пропал из виду, скрывшись за насыпью. Ветер подхватил пригоршни песка, вылетевшие из-под ног маниса, и понес прочь рыжей бахромой.

— Надо убираться отсюда, — Альбинос крепче сжал руль. — Если кочевые начнут...

— Погоди. — Разин стал перебираться на заднее сиденье, к пулемету.

Альб сбросил скорость, удаляясь от развалин. Над руинами разнесся многоголосый вой. Справа и слева от холма, за которым скрылся мутант, показались наездники. Стуча манисов пятками в упругие бока, они размахивали копьями и дубинками. Цыгане бросились к повозкам, караван оцетинился стволами, закричали женщины, заныл напуганный шумом младенец. Мутанты вылетели из-за бархана цепью, оглянувшийся Альбинос насчитал почти три десятка наездников с луками. Стрелы взмыли к светло-голубому небу. В ответ затрещали

выстрелы — все мимо. Расстояние между кочевыми и табором стремительно сокращалось... Стрелы ударили в повозки, прошивая тенты. Цыгане дали залп — двух мутантов настигли дробь и пули, но оба удержались в седлах.

— Давай туда! — велел Разин, приподнимая пулемет на турели.

Альб развернул сендер, и ствол пулемета пополз вправо, в направлении бегущих манисов.

Кочевые разразились новым кличем, их вождь, скакавший впереди, отвел руку с копьем назад, готовясь к броску... Грохот выстрелов над головой Альбиноса заглушил все звуки. Песок взметнулся перед наездниками десятками фонтанчиков, выбитых пулями, — Разин стрелял с упреждением. Вождь заорал, натягивая поводья. Цепь атакующих развалилась, мутанты разворачивали ящеров, уносились прочь от развалин. Сквозь рев двигателя донесся рык цыганского барона:

— Не стрелять! Хватит!

— Рули к табору, — Разин выпустил пулемет, и ствол задрался вверх.

Навстречу сендеру вышел барон —

коренастый пожилой мужик в ярком желтом жилете. Под расстегнутым воротом виднелся еще один жилет, красный, под ним — ядовито-зеленый. Рубаха на нем была белая, из-за широкого кожаного пояса торчал длинный кривой нож в вышитых бисером ножнах. Барон, широко взмахнув рукой, снял шляпу и приложил к груди. Волосы его были совсем седые.

— Легкой дороги, тусклого солнца! — объявил он.

Разин кивнул в ответ. Он стоял в сендере и смотрел на барона сверху. Подошли еще несколько цыган, курчавый паренек встал рядом с бароном и положил обрез на плечо.

— Зачем стреляли? — спросил Разин. — Это были разведчики, если их не злить, они бы не напали.

— Молодые... Молодые любят стрелять.

Барон скорбно покачал головой и отвесил мальчишке с обрезом подзатыльник. Удар вышел неожиданно сильным, цыганенок свалился на колени и выронил оружие.

— Мошка, ты понял? Этот опытный человек говорит, что если бы ты не выстрелил в мутанта, они бы не напали. Ты подверг семью опасности!

Мошка подобрал оружие, встал и потер затылок.

— Я понял, старший...

Барон обернулся к Разину.

— Молодые любят стрелять, им только дай повод. С возрастом он поумнеет, возмужает — тогда поймет, что нет ничего хорошего в том, чтобы прудырявить кого-то на расстоянии.

Старый цыган покосился на Мошку, тот отодвинулся — боялся нового подзатыльника.

— Другое дело нож, — барон взялся за кривую рукоять на поясе, — совсем другое дело! Когда горячая кровь заливает твою ладонь, ты поворачиваешь клинок в ране, глядя в глаза кровнику... но молодым только стрелять хочется! Однако я не поблагодарил вас за помощь. Признателен. Мы все признательны!

Барон обернулся и взмахнул рукой. Родичи, столпившиеся позади него, принялись разноголосо благодарить спасителей.

— Какими судьбами здесь? Ваш табор вроде северней обосновался? — перебил нестройный хор Разин.

— Для меня большая честь, что ты слышал о семье, — барон нахлобучил шляпу и сразу сделался моложе на вид — лицо у него было румяное и полное, если бы не седина, он казался бы совсем не старым. — В Москве сейчас сделалось опасно. С юга вторглись дикари, захватили Ленинский тракт. Даже сюда добрались, как видишь.

— Они и раньше здесь показывались, только редко, — вставил Альбинос.

— Эти смелые, потому что за ними сила, — вздохнул барон. — Они не боятся больше ни Ордена, ни московских кланов. Ну что ж, пусть москвичи покажут свою силу. С нами они держались грозно, а теперь будут грозить войску мутантов. Наша семья мирная, нам не по душе сражения. Это только молодым хочется стрелять.

Мошка на всякий случай отодвинулся еще на шаг.

— Ну а мы откочуем в Рязань, — закончил барон. — Потом поглядим, что дальше.

— Может, в Рязани встретимся, — бросил Разин. — Едем, Музыкант.

*

— Рязань совсем не изменилась, — заметил Альбинос, когда сендер миновал свалку ржавеющих остовов древних машин и проехал мимо указателя «УЛИЦА БУТЫРКА».

Дело шло к вечеру, и на дороге между домами было тесно. Вдоль заборов, украшенных черепами мутафагов, расхаживали старатели, под повозками кто-то спал, упряжные манисы шипели и качали плоскими головами вслед сендеру, выплевывая черные раздвоенные языки.

— Куда сейчас? К «Злому киборгу»? — спросил Альбинос. — Эта улица ведет к гостинице, ею Миха Ротник и заправляет.

— Это после. Ты знаешь лавку старьевщика? Давай к ней.

— С мотором над дверью? Знаю, конечно. Так что же, хромой Прокоп — и есть человек Меха-Корпа? Никогда бы не подумал.

— А ты и теперь не должен так думать. Наведаемся к Прокопу, после забудешь о нем. Осторожно!

Через дорогу, шатаясь, брел пьяный — судя по одежде, старатель. Увидев сендер, он попытался ускорить шаг, запутался в собственных ногах и рухнул в кучу навоза. Альбинос аккуратно

объехал пьяницу, который тут же заснул, блаженно жмурясь посреди вонючей лужи.

— Хороший город, — пробормотал Разин.

— Это центральная улица, — зачем-то пояснил Альб.

Лавка Прокопа находилась на окраине, далеко от площади, где кипела местная деловая жизнь и где процветало заведение Михи Ротника. Альбинос предпочел не показываться у «Злого киборга» и проехал переулками. Похоже, они понравились Разину не меньше, чем улица со спящим забулдыгой — здесь было тесно, грязно и куда больше навоза. И домишки на окраине были убогие — развалюхи, сколоченные из старого хлама. Лавка Прокопа выглядела получше соседних зданий, это было крепкое сооружение, возведенное на древнем кирпичном фундаменте. Над входом покачивался старинный электромотор, к которому были подвешены осколки стекла, пестрые обломки пластика и древние электронные платы. Под вечерним солнышком пайка сверкала красным.

Альб толкнул дверь, она заскрипела, звякнули подвешенные над входом железки и стекляшки. Разин зашел следом и огляделся — вдоль стен тянулись полки. Верхние занимала старая посуда, шкатулки и разнокалиберные зажигалки,

на нижней были ящики с полированными крышками, а один, самый большой, с пыльной сеточкой динамика на боковине, стоял на полу. «Какой-нибудь радиоприемник древний», — решил Альбинос. Весь этот хлам, найденный среди руин, в лавку несли старьевщики, таков их промысел. Они сбывают предметы скупщикам старины и тем живут. У Прокопа среди старьевщиков были обширные связи, к нему приезжали даже из самых отдаленных районов Пустоши, заодно делились новостями, которые охотники за древностями зачастую узнавали первыми во время странствий. Хромой торговец стариной славился как человек приветливый, незлобивый и самое главное — уступчивый. У него всегда можно было разжиться по дешевке подержанным барахлом, а то и занять пару медяков в долг. Из-за увечья Прокоп никогда не отлучался из лавки.

Вот и сейчас хромой вынырнул из-за стеллажей с товарами, сияя самой добрейшей улыбкой. Калека всем своим существом излучал приязнь, даже костыль его стучал как-то особо приветливо.

— А, Музыкант, вернулся, а говорили — пропал, — хотя это казалось невозможным, инвалид улыбнулся еще шире прежнего. — Струн тебе? Струн гитарных, как обычно? Есть у меня, найдутся.

— Струны потом, — Альб кивком указал на Разина, — вот у него к тебе дело.

— А, дело! — хромой одарил хмурого Егора такой же приятной улыбкой. — Слушаю? Чем могу помочь? В лавке Прокопа чего только ни сыщется!

Разин шагнул к прилавку и навис над калекой.

— Север тебе привет передает.

Он полез за пазуху и вытащил медную пластинку на шнурке. Альбинос заметил, что в нескольких местах пластинка просверлена, дырочки располагались в беспорядке. Улыбка хромого тут же пропала, он вытащил из-за пазухи похожий амулет, сложил пластинки и изучил отверстия на свет. Потом вернул медяшку Разину.

— Слушаю.

— Меня интересует человек по имени Губерт. Вроде бы его видели в Киеве.

— Мне передавали этот вопрос, я разузнавал. Но такого имени никто не вспомнил. Может, какие-то приметы, особенности? Как он выглядит, чем занимается?

— На вид старик, седой, бодрый такой, худощавый, подтянутый. Любит хорошо одеваться, выглядит аккуратно, как... ну, как картинка из книги, которую напечатали задолго до Погибели, я понятно объясняю?

Прокоп кивнул.

— Чем занимается... Он убил Юну Гало, вот чем он занимается. — Эти слова Егор процедил с такой тихой ненавистью, что Прокоп даже отшатнулся. Потом Разин перевел дух и заговорил спокойнее: — Люди Губерта могут иметь хорошее оружие, изготовленное до Погибели, технику, снаряжение. Владеют забытыми технологиями. Прокоп, ты ведь понимаешь, что это значит?

— Я же старьевщик! Конечно, понимаю. Есть кое-какие намеки... но только намеки, ничего не известно наверняка.

— Говори.

— Новости из Храма. Владыка Баграт куда-то пропал, прошел слух, что он погиб, но, поскольку сведения не достоверны, нового Владыку не избрали, и киевский Храм начинает подминать под себя тамошний староста, отец Зиновий. При Баграте он был не слишком заметен, а сейчас у него откуда-то появилось золото, его охрана

перевозоружилась, у них откуда-то взялись автоматы. Сам он, говорят, чудотворец, пророчествует о грядущем и исцеляет силой молитвы. Вроде снюхался с каким-то кланом, владеющим древней техникой, но в Киеве о таком клане никто не слышал. Начальник разведки Храма, брат Крипта согласен выйти на контакт с Меха-Корпом, поскольку подозревает измену со стороны Зиновия, но сам ничего не может сделать, его ограничивает храмовая иерархия.

— Иерархия... — протянул Разин. — Ее можно обойти.

— Крипта не такой, он человек, приверженный традициям и очень щепетильный, он не станет затевать свару в руководстве Храма. Вместе с тем традиции не мешают ему привлечь к делу нас.

— Как на него выйти, на этого брата Крипту?

— В Киеве остановитесь в гостинице «Крещатик», держит ее Картина, баба такая. Этой Картине можно говорить прямо, она на Храм работает, на разведку тамошнюю, вроде как я здесь. Скажешь, привет от Блажена брату Крипте принес. Блажен, скажешь, в Киеве шапку потерял, просит поискать.

— И все? Так просто? Никаких условных знаков?

— Нет, только про шапку не забудь сказать. Храмовая разведка работает иначе, не так, как наши. — Прокоп поправил шнурок на шее и снова улыбнулся, но уже не наигранно, ему было приятно сознавать, что меха-корповские разведчики действуют изощреннее, чем киевляне. — Удачи, Разин!

— Ты меня знаешь? Мы встречались, что ли? Не помню.

— Нет, Разин, не встречались. Мне тебя описывали: здоровый и глядит так, будто вот-вот башку отвернет.

Егор коротко кивнул и отвернулся. Альбинос шагнул следом за ним к двери, но Прокоп окликнул его:

— Музыкант, постой! А струны-то! Струны — вот они.

Старьевщик снова напялил привычную личину добряка и умильно заулыбался. Заворачивая струны в клочок кожи, он бормотал:

— Ты заходи, Музыкант, заходи в мою лавку, когда здесь будешь. Новости расскажешь, то да

сё...

Разин топтался у двери, пока Альб расплачивался за покупку. Инвалид пытался отказаться от денег:

— Ты ж наш, я не знал раньше, бери так!

— Нет, Прокоп, я лучше заплачу.

Альбинос подумал, что раньше улыбка хромого ему нравилась, а теперь он вряд ли сможет относиться к Прокопу по-прежнему дружески. Хотя, если вдуматься, что такого? Ну, агент Меха-Корпа, и что? Всякий в Пустоши устраивается, как может, а каждый десятый здесь — не тот, за кого себя выдает. Но все-таки теперь показное радушие старьевщика смотрелось неприятно. Погруженный в эти раздумья Альб вышел следом за Разиным в переулок, где спутник остановился свернуть самокрутку. Альб сунул струны в карман, поднял голову... и быстро шагнул обратно в тень. По улице шагал Миха Ротник.

*

Разин обернулся, перехватил взгляд Альбиноса, пожал плечами и возвратился в лавку.

— Ты чего?

— Вон видишь, мужик по улице идет? Это Миха.

Толстый коротышка, бывший наниматель Альбиноса, шествовал по грязному переулку, аккуратно обходя лужи. Справа и слева от него тяжело шагали крепкие мужики в одинаковых куртках, перетянутых скрипящими ремнями, — Ротник обзавелся новой охраной и снарядил телохранителей как полагается. Вид парни имели очень боевой и по сторонам глядели грозно, у одного за спиной висела берданка, на поясе у другого — кобура с большим револьвером. Разин оглядел процессию и бросил:

— Подожди здесь. Меня он не знает, гляну, куда направляются.

— Эй, постой!..

Но Разин уже шагал следом за Михой.

— Стремительный человек, — заметил Прокоп, выглядывая в дверь. — А ты подожди, подожди его, Музыкант. Он скоро возвратится, Лушка-то совсем рядом живет.

Альбинос глянул на старика сверху вниз.

— Лушка?

— Баба Михина. Он к ней частенько заглядывает, пока Христы нету.

— И надолго он к ней?

— Да когда как, но обычно ненадолго. Брательник его не одобряет, так что Миха у Лушки не задерживается — не ровен час, нагрянет Христа. Побаивается Миха брательника-то.

Возвратился Разин в самом деле скоро.

— Как тебе Михина подруга? — поинтересовался Альбинос. — Симпатичная?

— А ты знал, что ли, что он к бабе идет?

— Прокоп знал. Идем.

И Альб быстро зашагал от лавки старьевщика, Разину пришлось нагонять его.

— Ты куда собрался?

— А ты меня слушал, когда за Михой побежал? Идем в гостиницу «Злой киборг». Пока хозяина нет, оглядимся там.

Гараж перед «Злым киборгом» не изменился,

на месте была и здоровенная маслянистая лужа перед ним. Хотя сухой сезон в разгаре, лужа не стала меньше. Обходя ее, Альбинос бросил через плечо:

— Видишь это болото? Оно здесь всегда и постоянно одного и того же размера. Я иногда спрашивал себя: почему лужа не высыхает в сухой сезон?

— И почему же? — Разин шагал следом и едва слушал Альба, он косился по сторонам, прикидывая для себя пути отхода из этого места.

— Я думаю, это одна из великих загадок Пустоши, вот так!

— Судя по запаху, сюда мочатся все, кто надрался в «Злом киборге», вот и вся загадка. Много там сейчас народу?

— Музыка не играет, значит, мало. «Банда четырех» рубит музыку, когда зал набирается, да и рано еще. Но я внутрь не пойду, меня могут узнать... нам сюда.

Альбинос вошел в гараж, где было как-то пустовато. Разобранный песчаный мотороллер да груды покореженных железяк вдоль стен — больше в гараже ничего не было. Впрочем, заляпанный смазкой стол по-прежнему стоял в

углу, и выпивка на нем, как обычно, присутствовала. Вокруг стола собрались четверо механиков, Альбинос сразу направился к ним.

— Здорово!

Приветствие повисло в воздухе, механики мрачно глядели на гостей. Наконец Захарий нарушил молчание:

— Зачем ты явился, Музыкант?

— Как зачем? — Альб улыбнулся. — Я же вам за ремонт «Зеба» должен остался, верно? Пришел должок вернуть.

— Должок, — повторил Арсен и провел ладонью по седой шевелюре, — это хорошо. А ты знаешь, что Миха тебя велел убить, если появишься?

— Злой он на тебя, — поддакнул Леш.

— Я с ним потолкую, и он меня простит, — заверил Альбинос. — Только вы ему не говорите, что я здесь, а то он сразу волноваться начнет, нервничать...

Альб аккуратно положил на стол между кукурузных огрызков и стаканов столбик серебряных монет.

— Вот, мой должок. Я обещал к концу сухого сезона, но опоздал, потому отдаю больше.

Он придвинул стакан, налил водки и выпил. Механики мрачно наблюдали за его действиями и поглядывали на Разина, пытаясь понять, что это за верзила приперся с Альбиносом.

— Разин, тебе налить? Водка у парней хорошая, на огневке настоящая. — Альб оглядел механиков. — А вы чего не пьете?

Он покачал бутылку в руке.

— Захарий, так вы Михе не говорите, что я здесь, лады? А я через гараж пройду в гостиницу, там его дождусь.

— Ну, ладно, — Захарий придвинул и свой стакан, Альбинос налил. — Допустим, с Михой ты поладишь... сегодня.

Механик смерил оценивающим взглядом Разина, выпил водку и поморщился.

— А завтра он передумает и с нас спросит. Что тогда?

Альб, придвинув стаканы, налил всем.

— Да вы выпейте со мной, что ли. Ну а с

пьяных какой спрос? Пейте, парни, пейте. И потом, не узнает Миха, что вы мне помогли как-то, что вообще меня видели.

Механики разобрали стаканы, когда. Альбинос добавил к столбику с монетами еще несколько. Захарий кивнул Лешу, ткнул пальцем под стол — тот полез туда и достал еще пару бутылок.

— Ладно, — решил Захарий, — скажем, пьяные были, ничего не видели. Работы все равно нет. Вон, и молодому нынче выходной устроили.

— Да, верно, у вас же еще новичок здесь вертелся, — вспомнил Альб. — Где он?

— Отпустили сегодня, потому что заказов мало, — объяснил Карлов, хрустя початком. — На Москву теперь никто не ездит, война там, и нам работы нет. Ты, Музыкант, честно говоря, очень вовремя должок принес, потому что нынешний сухой сезон у нас выдался очень даже... сухой. Наливай, Леш. А твой друг, Музыкант, он что? Не пьет?

— Нам еще работать, а потом всю ночь по пустыне пилить... — пояснил Альбинос и после многозначительной паузы продолжил: — Отсюда. Да вы на нас не смотрите, пейте, а мы пойдем себе...

— А мы и не глядим, — заверил его Арсен, звякая стаканом.

Вдвоем с Разиным они вышли наружу, миновали гараж и проникли в гостиницу через заднюю дверь, которой обычно пользовались работники. Из кухни доносились голоса и пахло пряным.

— Ты этих людей хорошо знаешь? — с сомнением спросил Разин.

— Трезвые — люди как люди. А сейчас, наверное, и вовсе замечательные. Нам сюда.

Альб повел Разина к лестнице, по дороге объяснил:

— Второй этаж — для постояльцев, сам Миха на третьем сидит. Я думаю, там сейчас никого, видел, с какой он охраной к любовнице отправился? Значит, сперва познакомлю тебя с его кабинетом, а потом и с ним самим...

На третьем этаже было пусто. Альбинос ненадолго задумался, припоминая расположение комнат, потом отыскал Михин кабинет. Подергал дверь — конечно, заперто. Разин примерился ударить плечом, но Альб его остановил. Полез в карман, вытащил изогнутую проволоку и стал ковырять в замке.

— Время теряем, — заметил Егор.

— Ничего, я сейчас... В Рязани народ честный.

— Это ты к чему?

— Только гам, где живут очень честные люди, ставят такие замки, которые легко открыть проволокой.

Когда замок щелкнул, Альбинос выпрямился и распахнул дверь.

— Уютно, — заметил Разин, переступая порог.

Уже вечерело, солнце опустилось низко, и яркие лучи били сквозь окна, так что кабинет оказался ярко освещен. Блестело зеркало на стене, блестели стекла в дверцах шкафов — старые, растресканные, но аккуратно подклеенные. За стеклами в ряд выстроились всякие безделушки: древние статуэтки, поломанные приборы, инструменты... таким же бараклом был завален письменный стол возле окна. Похоже, Миха обожал все пестрое и блестящее, тянул в свой кабинет всякие бесполезные вещички, как ползун в холмовейник.

Альбинос закрыл дверь, щелкнув замком, направился к столу и сразу полез в ящики. Разин

сдвинул несколько подставок для карандашей, повертел пустую чернильницу, а потом ему в руки попало кое-что поинтересней.

— Ого! Гляди-ка, знаешь, что это?

Альб посмотрел — плоская черная коробочка с выдвигной блестящей антенной и забранными решетками отверстиями.

— Нет, а что?

— Передатчик. «Уоки-токи» их еще называли. До Погибели вещь сделана.

— А выглядит как новенький.

— Вот именно. Очень интересно! Что у тебя?

— Ничего такого, хлам... я думал, он деньги здесь держит.

Уоки-токи в руке Разина захрипел, сквозь треск помех пробился голос Христа Ротника:

— Миха! Миха! Я же сказал, быть на месте!..

Голос затух, потом и помехи исчезли.

— Я думаю, Миха скоро явится, он брата опасается — предположил. Альб. — Если тот велел быть в гостинице, надолго не уйдет.

— Чего ж он передатчик с собой не взял?

— Потому что болван. Забыл, наверное, просто. О, слышишь?

За дверью раздались шаги. Альбинос присел за столом, Разин встал за шкаф у двери. Щелкнул замок, дверь распахнулась, вошел Миха, он покраснелся, лицо лоснилось от пота. Видно, вспомнил, что брат велел быть на связи, и спешил домой. Разин сделал шаг позади него, Альбинос поднялся из-за стола с уоки-токи в руках.

— А, Миха... ну, здорово. А я тут кое-что потерял, ищу вот...

Ротник попятился, уперся спиной в Разина и замер, втянув голову в плечи.

— Музыкант... Ты откуда здесь? Как?..

Разин, закрыв дверь, подтолкнул Миху к столу.

— Помоги ему искать, ты ж здесь вроде хозяин?

— Что искать?

— Деньги, Миха, — улыбнулся Альбинос. — Ты

мне крепко задолжал за яйца водяных курочек, помнишь? За самоход мой, мир его памяти, за всю эту историю...

— Ничего я тебе не задолжал! — Миха постепенно приходил в себя. — Это ты мне...

— Так вот, ищу деньги, а нашел эту штуковину. Откуда у тебя такая, а, Миха?

Разин снова подтолкнул младшего Ротника в спину, тот сделал еще пару шагов и остановился перед столом. Оглянулся, посмотрел на Разина. Зрелище ему явно не понравилось.

— Рассказывай, Миха, — кивнул Альбинос. — Про Богдана, про хозяина его. Про этот передатчик. Как меня подставил тоже рассказывай.

— Какого еще Богдана? — Миха снова оглянулся. — Не знаю я такого... ай!

Разин не слишком сильно ударил его кулаком между лопаток. Альб между тем продолжал:

— Миха, я тебе предлагаю пропустить первую часть нашего разговора, что, мол, ничего не знаю и ничего не ведаю, и сразу перейти ко второй, где ты мне все расскажешь. Заодно мы пропустим много для тебя неприятного, понимаешь меня?

Ротник ссутулился, зло поблескивая глазами, обхватил себя за плечи.

— Музыкант, не знал я, что на тебя нападут! Просто нужно было, чтобы ты согласился на какое-то предложение. Я ж правда не знал, что они стрелять будут и все такое, думал, так просто — припугнут, погонят, чтобы ты ящики с яйцами растряс. Такой был уговор. Ну и чтобы я вроде как рассердился на тебя, чтобы потребовал недостачу возместить. Но ты же в самом деле... ай!

Разин еще раз ударил Миху и спросил:

— С кем уговор?

— Ну вот с Богданом этим. Он взамен вот эти штуки дал, обещал поставки техники, заказы у нас обещал в будущем сезоне крупные разместить. Солидный торговец! А я что? Мое дело маленькое, покричал на тебя немного, сделал вид, что сержусь... Музыкант, мы ж всегда с тобой нормально решали, так? Ну, так ведь?

— Я тоже на тебя не сержусь, но сейчас сделаю вид, что очень рассержен, как ты тогда. Кто хозяин Богдана, откуда поставки? Не юли, говори прямо!

Разин многозначительно кашлянул, Миха

быстро оглянулся и втянул голову в плечи.

— Да не знаю я! В Киеве он сидит, хозяин Богдана того, больше ничего не знаю. Поставки из Киева! Богдан говорил: к будущему сезону хозяин в Киеве дела порешает и к нам будет караваны гнать, у нас в «Злом киборге» они останавливаться станут! Поставки техники, приемники вот такие, оружие обещал хорошее, не хуже харьковского, говорил: большую торговлю начнем, Христа с ним стоваривался, а не я. Христу спрашивайте! Музыкант, я в самом деле ничего больше не знаю! Ну давай я тебе заплачу? Денег дам, чтобы ремонт самохода покрыть, и вообще? Смотри, я деньги достаю!

Миха засеменил к шкафу, сунул руку под заднюю стенку, зашуршал там. Разин шагнул за ним, взявшись за обрез в перевязи. Миха вытянул из тайника увесистый кошель.

— Во, гляди, золото здесь! Ну, Музыкант, я ж по-честному, без обмана! Я заплачу! Вот они, монеты!

При этом Ротник исподтишка покосился в сторону. Альбинос проследил его взгляд — на стене тикали большие часы с круглым желтым циферблатом. Миха снова подошел к столу, торопливо развязал тесемки и вывалил монеты, где среди московских серебряков и меди

поблескивали несколько гривен.

— Вот, видишь!

— Ладно, Миха, вижу. Но насчет хозяина Богдана тебе бы лучше вспомнить.

— Да что ж я вспомню? У Богдана бы и спросили!

— Мы спрашивали, но он не смог ответить. Очень, понимаешь, трудно отвечать, когда у тебя голова оторвана...

— Богдана я прикончил, — кивнул Разин. — Меня интересует его хозяин, Губерт.

— Да не говорил он про хозяина! — взвился Миха. — Ничего не знаю... ай! Не надо! Правда не знаю! Не слыхал ни про какого Губерта!

Разин, который уже занес руку для нового удара, глянул на Альбиноса. Тот задумчиво протянул:

— Слушай, Егор, а ведь Богдан, когда ты ему голову отстрелил, стал мне нравится гораздо больше. Некроз с ней, с головой, но он молчаливым таким сделался, и, главное, тогда сразу стало ясно: неприятностей от него больше можно не ждать. Просто в тот раз ты слишком

поторопился, можно и помедленней было...

Миха снова заговорил:

— Стойте, стойте! Я вспомнил! Богдан разок обмолвился про Губерта. Сказал: «Воняет у вас в Рязани, как у Губерта на болоте, на левобережье!»

— На левобережье. Это где?

— Откуда ж мне-то знать! Мы тогда на площади стояли, перед гостиницей, там еще эта лужа...

Разин вытащил обрез, с сомнением почесал подбородок стволom. Уоки-токи в руке Альбиноса ожил, захрипел, и оттуда раздался голос Христа, уже намного отчетливей, чем в прошлый раз:

— Миха, если сейчас тебя не застану в «Киборге», то...

Миха вдруг вывернулся из-под руки Разина, прыгнул на стол, оттуда сиганул в окно и вышиб раму.

Натянутые в ней шкуры ползунов с треском разорвались, толстяк вывалился наружу вместе с обломками. Альбинос никак не ожидал от увальня Михи такой прыти — когда он кинулся к

окну, Ротник, прихрамывая, уже бежал по крыше гаража.

Разин, отпихнув Альбиноса, прыгнул следом, сапоги его с грохотом ударили по дощатому настилу.

— Стой, куда?! Ведь Христа уже... Да чтоб тебя некроз разъел!

Альбинос махнул рукой и бросился следом. Миха спускался по приставной лестнице, которая находилась на дальней от гостиницы стене гаража.

Альбинос спрыгнул последним. Ротник, стряхивая на бегу обрывки шкуры ползуна, помчался вокруг лужи, поскользнулся в грязи, едва не въехал в упряжного маниса. Ящер зашипел, трясая головой, возница начал ругаться, а Миха свернул в переулок. Разин, тяжело топая сапогами, мчался за ним. Альбинос заорал:

— Стой! Егор, стой! Христа здесь! Да что ж такое!!!

Альбинос влетел в переулок последним, споткнулся, едва не упал, а когда выпрямился, увидел, как пялятся на Разина прохожие. Он держал за шиворот Миху, тот извивался и вопил. На улице было людно, навстречу катила вереница

самоходов, прохожие расступались, чтобы освободить дорогу.

— Христа, стреляй! — заверещал вдруг Миха.
— Стреляй в них!

На переднем сиденье головного сендера вскочил Христа Ротник. Глаза его были очень удивленными, он шарил ладонью по поясу, ища кобуру. Позади старшего Ротника маячили вооруженные охранники, да и здоровенный грузовой самоход, кативший следом за сендером, тоже принадлежал братьям — в кузове наверняка сидят еще бойцы.

— Разин, ходу отсюда! — заорал Альбинос.

Подскочил к Егору, ухватив за складки плаща на спине, потянул назад.

Водитель сендера затормозил, Христа вытащил из кобуры большой пистолет, позади него поднимались охранники. Тут и Разин понял, с кем они столкнулись — отшвырнул Миху и бросился прочь по улице, по дороге сграбастав за шиворот Альба. Теперь уже он волок за собой спутника, как будто ему непременно нужен был чей-то воротник в кулаке.

Защелкали выстрелы. Плащ на широкой спине Разина взорвался в двух местах, разлетелся

ключьями, в дырах сверкнуло зеленым. Прохожие, и до того жавшиеся к заборам, теперь вовсе распластались на грязных досках, чтобы не получить шальную пулю. Кто-то ничком повалился на землю, прикрывая голову, заорала женщина, прижимая к себе ребенка... Позади, перекрывая звуки стрельбы и женский крик, ревел Христа:

— За ними! Давай, жми! Миха, домой! Запрись, жди меня! Хватай их, стреляй!

Христа был совсем не похож на младшего брата — здоровенный, грузный, с разметанными по лицу седыми патлами, он орал, как манис на случке, размахивая пистолетом. Зрелище было устрашающее. Разин, не обращая внимания на угодившие в спину пули, подтолкнул Альба, чтобы оказаться сзади — его-то защищала доминантская броня. Взревели моторы. Позади Христа кричал на водителя. Рокоча на всю округу, машина медленно набирала ход. Навоз и грязь летели из-под колес, прямо на людей у заборов. Грузовой самоход вырулил вправо, освобождая дорогу сендеру с охраной.

— Ходу! Ходу! — рывкнул Разин.

Впереди заржали лошади. На улицу въезжал цыганский табор — тот самый, с которым встретились у развалин. Впереди на вороном

жеребце важно восседал барон. Разин с Альбом нырнули вбок, побежали вдоль вереницы повозок. Цыгане, высовываясь из фургонов, галдели, скалились, тыкали пальцами.

— Дорогу! — взревел Христа.

Барон что-то сердито крикнул в ответ, слов Альб не разобрал, их заглушили ржание и веселый визг таборных. Ясно было, что сендер остановился, цыгане задержали погоню. Беглецы промчались мимо замершего каравана. Подбежав к фургону в хвосте, Альбинос вскочил на приступок и перекатился в кузов — за спину возницы. Успел только разглядеть, что это Мошка — тот самый паренек, который выстрелом разозлил мутантских разведчиков. Следом запрыгнул Разин, ткнул стволом обреза цыганенка в бок:

— Разворачивай! Живей!

Альбинос, оказавшийся у Мошки за спиной, встал, ухватил цыганенка за плечи и сунул в нагрудный карман жилетки большую серебряную монету:

— Гони отсюда!

Мошка радостно оскалился, дернул поводья, свистнул и прикрикнул на лошадей. Фургон

откатился назад, стал разворачиваться. Христа Ротник ревел, не умолкая, но крик не помогал — он со своими бойцами застрял крепко, цыгане дорогу не уступали. Шум привлек внимание жителей города, из переулков подтягивались новые и новые зеваки, кто-то высовывался в окно, люди глядели поверх заборов.

Мошка развернул фургон, пронзительно свистнул, и кони пустились вскачь. Когда дома окраины остались позади, цыган щелкнул длинным кнутом. Фургон трясся и тархтел, позади Альба перекатывались и подпрыгивали пестрые узлы. В проеме под пологом мелькала улица.

— Туда давай, за холм! — приказал Разин, показывая направление. — Там лошадей придержи, мы спрыгнем. А сам вали скорей. Чем дальше уведешь их, тем лучше. Ничего они тебе не сделают, побоятся со всем табором связываться, а про нас скажешь: только что ссадил. Понял?

— Понял! — Мошке было весело. — Ничего не сделают, верняк! Шалай этому уроду сердце вырежет, если я не вернусь!

Не доезжая холма, цыганенок стал натягивать поводья, придерживать лошадей. Когда пологий склон укрыл фургон от рязанцев, Разин

спрыгнул. Альбинос выбрался следом, Мошка сразу стегнул лошадей и пронзительно засвистел — фургон, громяхая, покатил в степь. Склон холма зарос кустарником, туда и полезли беглецы. Ветки были колючие, но тонкие и ломкие, спрятаться в зарослях оказалось несложно.

Погоня объявилась далеко не сразу. Мимо холма проехали два сендера: в переднем Христа и трое вооруженных охранников, во втором — еще трое. В кусты они и не глянули, спешили, пока ветер не занес следы фургона песком. Когда шум моторов стих и развеялись облака пыли, Разин встал. Отряхнул крутку, сбрасывая впившиеся в ткань колючки, и сказал:

— Давай, Музыкант. Пора в Киев.

Глава 3. Письмо Илая

Когда стемнело, за руль сел Белорус. И тут же попросил:

— Папаша, ты бы сдвинулся куда, что ли? В спину зыркаешь, аж до костей прожигашь. Неуютный ты какой попутчик.

Илай, сместившись к стене, пробасил:

— А ты не оглядывайся, вперед смотри. Кто часто озирается, тот далеко не ускачет.

Белорус против обыкновения смолчал, хотя обычно за словом в карман не лез и поболтать любил.

Утром местность начала меняться. Бурые краски пустыни все чаще уступали место зарослям кустарника, то и дело встречались остатки древних строений, груды бетонных блоков, из-под песка тут и там выступало полотно асфальтовых дорог, проложенных предками до Погибели. Теперь «Панчем» управлял Туран, а Белорус дремал. Проснулся он оттого, что грузовик затормозил.

— А? Что? — Тим заерзал на сиденье и вытянул из-под ног автомат в чехле. — Чего

стоим?

— Пыль впереди, — коротко ответил Туран. — Пока далеко.

— Пыль — это значит, кто-то движется по песку. Он взял бинокль и полез на крышу кабины.

— Ну и что, что пыль... — Белорус потянулся и почесал рубец на скуле, — мы уж к Киеву приближаемся, здесь должно бытьлюдно. Ну, чего там?

— Монахи гонят кого-то, — сказал Туран в люк, оторвавшись от бинокля.

— Это кого же? — подал голос Илай. — Здесь не Московия, Владыка Баграт не велит своим...

Старик заволновался, ерзая на сиденье.

— Мутантов гонят, — объявил Туран, опять приникнув к окулярам.

Пыль впереди подняли несколько ездовых манисов, которыми управляли кочевые, а следом мчались два «тевтонца».

Сендеры монахов разошлись в стороны, чтобы взять всадников в клещи. Стрелки разворачивали

пулеметы — расстояние между погоней и мутантами сокращалось на глазах.

— А, ну пусть гонят, — лениво махнул рукой Белорус, — наше дело сторона. Поехали дальше.

Он сунул автомат в чехол и заерзал на сиденье, устраиваясь поудобней.

— А я посплю.

Илай гулко откашлялся и сдвинулся в тень, только очки его здоровенные тускло блеснули. Туран вернулся за руль, повел «Панч» к холму.

Ветер нес поднятую колесами пыль. Раскатисто прогремела очередь «гатлинга». Наездники уступали монахам в скорости, они петляли, скатывались в лощины, но стряхнуть с хвоста погоню не могли, «тевтонцы» снова и снова настигали.

Туран вел грузовик медленно, следя за дорогой. Выстрелы раздавались все ближе. И наконец наперерез вылетели трое кочевых на манисах — с топотом поднялись из лощины. Завидев «Панч», издали высокий протяжный вой, разворачивая ящеров, но тут на пологом холме впереди показался «тевтонец». Грузно перевалил через гребень, пулеметчик повел шестиствольный блок «гатлинга», ударила

длинная очередь. Два маниса рухнули, наездники покатались по земле, вздымая клубы пыли, третий пустил ящера навстречу «тевтонцу», занося копьё. Туран притормозил, Белорус снова схватился за автомат...

Сендер монахов съехал с холма, качнулся на ухабе, пулеметчик, выпустив рукоять «гатлинга», ухватился за скобы ограждения, и тут слева — в лощине, из которой выскочили наездники, — взревел двигатель, выкатился второй «тевтонец», затрещали выстрелы.

Мутанта, несшегося в лобовую на монахов, пули разорвали надвое, очередью манису снесло плоскую башку. Бесформенная масса, разбрасывая кровавые брызги, рухнула под колеса «тевтонцу». Громко хрустнули кости, когда тяжелая машина подмяла под себя все, что осталось от наездника с ящером, и замерла. Водитель заглушил двигатель, второй «тевтонец» тоже встал — и наступившую тишину внезапно разорвал вой. Один из раненых мутантов отползал прочь, раздробленные ноги волочились, и позади оставался широкий кровавый след. Из первого «тевтонца» выбрался жрец-каратель, сплюнул и двинулся за раненым, помахивая широким тесаком. Запыленные полы его полуриясы развевал ветер, на груди жреца покачивалось серебристое распятие, сверкая в лучах восходящего солнца. Мутант полз,

перебирая жилистыми руками, и выл, как пустынный шакал. Монах неторопливо шагал следом, шаркая подкованными сапогами. Поравнявшись с раненым, взмахнул тесаком и выпрямился, подняв отрубленную голову с длинными хрящеватыми ушами. Рывкнул: — Вот имя Создателя!

Водитель второго «тевтонца» завел мотор и подрулил к «Панчу».

Туран оглянулся на Илая, шикнул Белорусу, чтоб о пассажире молчал пока, а только новости разузнал да что в городе творится. Сам же выложил на колени дробовик, который висел на особых зацепах под приборной доской — оружие всегда должно быть под рукой.

— Кто такие? — прорычал жрец, сидевший за рулем «тевтонца».

Пулеметчик развернул «гатлинг», целя в кабину грузовика.

— Наемники! — откликнулся Белорус, приоткрыв дверцу. — В Киев направляемся, работенка в Храме для нас найдется?

Он старался говорить, как южанин, и заискивающе улыбался при этом.

Монах утер запыленную бороду.

— На хрена вы нам сдались? — он заухал совиным смехом, показав редкие кривые зубы. Ему раскатисто вторил пулеметчик.

— Отец Зиновий указ издал — Храм в наемниках не нуждается. Тепереча новый порядок в Лавре.

— Какой? — вставил Белорус, решив доигрывать роль бестолкового южанина до конца.

— А ты загляни в обитель, — жрец с прищуром смотрел на Тима, — и спроси об том Зиновия.

— Какого Зиновия? — Белорус натурально удивился. — Я слышал, Владыка Баграт наемников собирал для похода... Так и че за порядок-то в Храме?

Жрец нахмурился.

Монах с тесаком подошел к своему «тевтонцу» и швырнул отрубленную голову на багажник. Повернулся к «Панчу» и дернул подбородком, вопросительно глядя на жреца, говорившего с Белорусом.

— Наемники! — крикнул тот. — Проверь

остальных мертвяков, и едем.

— Ну и мы, пожалуй, отчалим, ага? — Белорус потянулся захлопнуть дверцу.

— В Храм не суйтесь, — кинул жрец, и Тим замер на полпути. — Коли жизнь не надоела.

— Это почему же?

Туран навалился грудью на руль, следя краем глаза за вторым «тевтонцем».

— Чужаков в обитель нынче не пускают.

— Понял. Ты доходчиво разъяснил. — Белорус захлопнул дверцу и повернулся к Турану: — Слышал?

Тот не ответил, подождал, пока монахи отъедут, и повел «Панч» к холму.

Когда «тевтонцы» скрылись за полосой пыли, Илай шумно перевел дух. До сих пор он сидел тихонько, забившись в тень, и будто даже не дышал.

— Папаша, ты уверен, что тебя Владыка Баграт в Храм послал? — обернулся к старику Белорус. — Ничего не попутал?

Илай промолчал.

Ближе к Киеву стало встречаться больше зелени — Днепр, хотя и обмелевший, и отравленный, давал достаточно воды, чтобы могла взойти растительность. В этих местах чаще попадались фермы, поселения. Древние руины были раскопаны, камень и кирпич местные забрали для строительных нужд — здесь города, построенные предками, не стояли в запустении, на их местах остались лишь груды щебня да ямы. Попадались не только фермы, но и заводики, и поселки старателей, ломщиков, старьевщиков — всех, кто кормится у руин. Пустыня осталась позади.

Вечером остановились на заправке, имевшей московскую лицензию, то есть ее владелец платил отступные топливным королям Южного братства. Отоспавшийся за день Белорус сел за руль, и поехали дальше. Утром, когда место водителя занял Туран, достигли Киева.

Город показался впереди нагромождением зеленых холмов среди бурой равнины. На густо поросших кустами и деревьями склонах тут и там торчали серые остовы древних высотных зданий. А над ними вознеслась железная женщина с расколотой головой. В трещине, проходящей сквозь череп великанши, поселились птицы. Руки, сжимающей меч, у статуи больше не было,

она отвалилась и лежала где-то под холмом, у берега обмелевшего Днепра. Облака плыли и плыли над изуродованной головой женщины, ей нечем было их разогнать, только и оставалось, что, упрямо выставив подбородок, изо дня в день подставлять лицо ветру.

— Вот он, Киев! — объявил Белорус. — Давно хотел глянуть на Великаншу из железа и орденский Храм вблизи! В лабазах побывать и посетить торговые ряды Майдана. Ох, сколько слышал я о Майдане...

— Да не в добрый час судьба сюда привела, — громыхнул сзади Илай.

— Говорят, прежде, до Погибели, купола обители впрямь золотом покрывали, — не обращая внимания на пассажира, продолжал Белорус. — А теперь монахи здешние какую-то красочку соорудили, чтобы блестело. То ли охру желтую с битым стеклом мешают, то ли еще какую дрянь, такое я слышал.

— Не верю, — сказал Туран, — не могли предки золотом крышу выложить.

— Предки многое могли, мои предки да ваши, — наставительно произнес Илай, — нам их не понять.

Когда старик загудел, будто колокол, Туран оглянулся. Смерил Илая взглядом. Казалось, голос старика наполнил всю кабину «Панча» и заставил дрожать обшивку из доминантской брони, словно бубен.

— Вот я и говорю, — подхватил Белорус, — измельчал человек нынче. На кровлю золота точно не хватит, хорошо бы с нами без обмана расплатились. Ты, папаша, слышь, это... когда своему важному человеку будешь расписывать, как мы тебя охраняли, ты не жалея красивых подробностей. Можно и присочинить, будем говорить, немного. И тебе не накладно, и ему интересно послушать будет. Скучно, небось, в Киеве, в Лавре безвылазно торчать, а тут ты ему расскажешь, как мы тебя у опаснейшего злодея отбили, потом еще два раза с бандами сражались, нет, лучше три раза. Три — хорошее число! Да, и еще мутанты дикие на нас нападали, не забудь!

— Не забуду, — отозвался Илай таким сердитым тоном, что у Белоруса враз прошла охота болтать и он снова заткнулся, как в начале пути.

— Илай, ты уверен, что нам в Храм надо? — спокойно спросил Туран.

Старик кивнул. Тим покосился на Турана, приоткрыл рот, будто сказать что-то хотел, но

промолчал.

Впереди показалась застава. Возле дороги, перегороженной шлагбаумом, стоял одноэтажный дом из красного кирпича. С трех сторон он был обложен мешками с песком, в которых чернели амбразуры.

Такие заставы были на всех въездах в Киев, монахи собирали плату с караванщиков и досматривали грузы.

Туран пристроился за фермерским автомобилем, который полз к городу, доверху груженный корзинами с карликовой кукурузой — над бортами высилась гора бледно-желтых початков.

У шлагбаума фермер притормозил, к нему подошел монах со штуцером на плече, сказал что-то, потом поставил ногу на заднее колесо и заглянул в кузов. Поворошив стволом початки, прыгнул, взял у фермера несколько медяков и махнул часовому у шлагбаума, чтобы пропустил автомобиль.

Туран проехал немного вперед, опустил стекло в дверце и высунул голову.

— Наемники мы, везем вести в Киев и работу заодно ищем, — сказал он.

— Что в фургоне? — спросил монах, перехватив штуцер.

Второй у шлагбаума скинул с плеча карабин. «Панч» они видели впервые, мощная угловатая кабина с толстой радиаторной решеткой, широкие шины с крупным протектором — грозный вид у машины.

— Нас трое. Груза нет, — Туран распахнул дверцу. — Глянешь?

Монах забрался на подножку, сунул голову в кабину. Скользя по Белорусу взглядом, долго смотрел на Илая, сидящего в тени.

— Большой самоход — три медяка, — заключил он.

Туран оглянулся на Белоруса, тот протянул деньги.

— Езжайте, — получив монеты, сказал монах. — Держитесь подальше от красных флажков.

Махнул часовому и спрыгнул на дорогу.

Поднялся шлагбаум. Рыкнув двигателем, «Панч» въехал в Киев.

— Что за флажки? — пробурчал под нос

Белорус.

Туран правил к зеленым холмам, расколота голова железной великанши виднелась постоянно справа, а слева блестела куполами Лавра. Вскоре начался подъем, дорога изогнулась, взбираясь на холм, и гигантская статуя скрылась из виду. По сторонам потянулись дома, встроенные в бетонные остатки древних стен, прилепившиеся к ним, как улитки к стволу липты.

— Куда ехать? — Туран растерялся. Пока смотрел издали, казалось, легко найти по блеску куполов обитель Ордена, но среди домов, домиков и домишек «Панч» заплутал, и непонятно было, куда сворачивать на перекрестках.

— Давай я за руль сяду. — Белорус сдвинулся на сиденье, потянувшись к баранке.

— Ага, — Туран стукнул приятеля по руке, — еще Илаю предложи.

— Здесь налево, — подал голос пассажир. — Потом по улице вверх на холм, потом спустимся и снова налево, потом опять подсажу.

— Ты бывал в Киеве? — изумились Туран с Белорусом в один голос и переглянулись.

— Вперед смотрите, — пробасил Илай.

Туран крутанул руль, чуть не снес бампером покосившийся плетень и, свернув налево, выкатил на улицу, которая шла вверх.

Белорус оглянулся:

— Хм, папаша, а по тебе не скажешь, что ты поселок, где больше десяти домов, видал.

Когда «Панч» добрался до конца улицы, между крышами домов впереди и впрямь мелькнули золотые купола, старик не ошибся. Он привстал и, держась за спинку водительского сиденья, стал подавать короткие команды, куда сворачивать. Вскоре выехали на просторный перекресток, Илай пробасил: — Вправо и дальше прямо, не сворачивать...

Не успел он закончить фразу, как Туран врезал по тормозам. И «Панч» замер, скрипнув рессорами. Поперек широкой улицы был натянут канат, легкий ветерок трепал на нем красные флажки.

И тут Белорус не сдержался, заорал во весь голос:

— Некроз! Затопчи меня кабан, это настоящий некроз! Ты куда нас привел, отец?!

За линией красных флажков находился раскоп. Вокруг уходящей в землю бетонной коробки грунт был послойно снят, бригада старьевщиков добиралась к древнему подземелью, рядом сложены плиты полированного красного камня, некоторые с буквами. Возможно, старьевщики выполняли чей-то заказ, добывая облицовочный камень, но дело до конца не довели. В глубину уводил широкий проход, в который легко мог бы проехать и «Панч». Мостки из досок тянулись в сырую темноту. Сейчас широкие доски и бетонные стены были затянуты серой плесенью, маслянисто блестящей на солнце. Пятна некроза расползались в стороны от раскопа, карабкались на пирамиду облицовочного камня, растекались по мосткам, по сложенному инструменту...

Видимо, некротное пятно появилось совсем недавно — монахи еще заканчивали ограждать опасную зону канатами с красными флажками. Другие обходили по периметру, занимая посты, чтобы в случае чего отогнать зевак.

— Некроз... — растерянно повторял Белорус.
— В Киеве! В самом Киеве!

— Из-под земли выперло, что ли? — заметил Туран. — Смотри, некрот расползается от

раскопа.

— А в Херсон-Граде нам толковали, что под землей некроза не бывает!

Вокруг «Панча» стали собираться местные. Качали головами, указывали друг другу на зеленовато-серую плесень впереди, тихо спорили. Монахи закончили устанавливать ограждения и построились вдоль улицы. Подкатил «тевтонец», из него вылез, опираясь на резной посох, высокий осанистый жрец в желтой тоге. Седая борода аккуратно расчесана, смотрит с прищуром, зырякая маленькими глазами по сторонам. Едва он вылез из самохода, как рядом оказались два рослых монаха. У обоих штуцеры наперевес, патронташи через грудь.

— Важная птица, — протянул Белорус. — Может, с ним того, поговорить?

Он повернулся на сиденье, но Туран решил иначе:

— Подождем, сейчас что-то случится. Поглядим немного — этот, в желтом, не зря сюда прикатил.

Важный жрец подошел к канату с флажками, поглядел в затянутое некрозной пленкой жерло раскопа, что-то тихо спросил. Монах из

оцепления показал на плиты красного полированного камня, испятнанные серой слизистой плесенью. Жрец покивал. Проследив, куда указывает монах, Туран разглядел труп небольшого животного, скорее всего крысы-мутафага. Тело зверька было изорвано пулями в клочья, но голова была цела и сплошь облеплена серыми наростами некроза.

— За грехи! — неожиданно громко завопил седой монах в желтых одеяниях и воздел посох, круглое навершие блеснуло на солнце полированной поверхностью. — За грехи нам кара! Много провинились мы перед Создателем, за то и казнит нас беспощадно! Кайтесь, люди, кайтесь! И ждите спасения скорого, ежели покаяние искренним окажется! Грех на вас, киевские люди! Грех гордыни! До сей поры беды вас стороной обходили, вот и впали вы в греховную гордость! Разучились подчиняться и смирать дух! За то и кара вышла — по грехам вашим! Смиренные спасутся, гордые низвергнутся! Паршивого маниса — из стада вон! Кайтесь и ждите спасения!

— Откуда же спасение придет, отче? — всхлипнула толстая тетка. — Сызнова напасть объявилась! Нету продыху, тут и там некроз является!

Седой жрец развернулся к ней и снова воздел